

НОВОСЕЛЫЕ

12-13

НЬЮ-Йорк

1 9 4 4

NOVOSELYE
A RUSSIAN LITERARY MONTHLY

Editor S. PREGEL

Editorial and Administrative Offices:

330 West 72 Street

NEW YORK CITY

Telephone: ENdicott 2-1660

СОДЕРЖАНИЕ :

Эгон Гостовский. В Париже	3
София Прегель. Стихи	13
Х. Кроткова. Стихи	16
Г. Гребенщиков. Последний ряд	17
С. Дубнова. Стихи	33
Кира Славина. Стихи	34
Галина Издебская. Мать	36
А. Гречанинов. Академия неугомонных	41
Ю. Сазонова. Театр сороковых годов	44
Ховард Фаст. Сжигатели книг	57
Ирина Кунина. В честь возродившегося варвара	62
В. Сухомлин. О сферах влияния и «гигантах мысли»	68
Генрих Манн. Будущее немецкого народа	83
Фаннина Галле. Праматерь Азия и дети Европы	91
Шарль Брейнер. Внешняя политика Советской России	103
Р. Невадовская. Андрей Белый	121
М. Н. Бенисович. Военный лубок в 1812 году	127

Обложка работы художницы А. Прегель

Издательство «НОВОСЕЛЬЯ» просит лиц, срок подписки которых уже истек, немедленно прислать подписную плату, чтобы обеспечить регулярную присылку журнала

Со всеми типографскими работами обращаться:
Rausen, 417 Lafayette Street, New York 3, N. Y. GR. 5-9802

НОВОСЕЛЬЕ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

под редакцией С. ПРЕГЕЛЬ

№ 12-13

ИЮЛЬ-АВГУСТ 1944

ЭГОН ГОСТОВСКИЙ

В ПАРИЖЕ

Когда человек окружен одиночеством и слышит только стук собственного сердца, когда со всех зеркал суетности начинает лупиться серебро, когда мы уже так близки к смерти, и так убаюканы ее крепким объятием, что и себя, и своих друзей, и врагов уже видим в свете обманчивого загробного покоя, — в такие минуты мы не обманываем себя относительно своих заблуждений. И если я теперь говорю, что никогда не бросал тебя, то это не ложь. Уехал я от тебя, Ганичка, не с тем, чтобы тебя обмануть, не вернуться. Дело было иначе. Я улетел тайно из Праги в Париж, когда бессилие стало нашим общим крестом. И я уже этого креста больше не мог вынести. Я отправился в пустоту. Я шел искать вдалеке бродяжничества, не догадываясь, что то, чего я ищу, я мог найти только в самом себе и больше нигде. Мне хотелось сказать кому-нибудь слова любви и хотелось услышать в ответ, что и меня кто то любит. В те времена миллионы людей бродили подобно мне. Слова любви и надежды таяли на губах, едва их успевали вымолвить. Из них выветрился дух вечности, потому что их значение мы

Новоселье

разменяли по мелочам. Но в нас остался голод по тому, что было в начале, еще на пороге бытия, и горло сушила жажда вечных слов, от которых на языке оставался лишь терпкий привкус. Чем больше мы говорили, тем глубже становилось наше молчание. Мы мучились, потому что не боролись, и блуждали, потому что уклонялись от непроторенных дорог. Какая же была за мной вина? Я не хотел верить тому, что видели мои глаза, не хотел искать спасения ни в самом себе, ни в тебе, ни вокруг. Я улетел в Париж, гонясь за его пестрым призраком, который должен был рассеяться при первом прикосновении.

Мы с Ольгой сидели в плетеных креслах у окна просторного кафэ, выходявшего на бульвар Сэн-Мишель. Мы медленно потягивали какой то сладкий напиток, окруженные шумом голосов, облаками табачного дыма и запахом кофе.

Ольга не была удивлена, когда я фразыскал ее. Эта женщина никогда не казалась удивленной. Она ни о чем не спрашивала, слушала. Я ей сказал, что у меня есть кое-какие дела в Париже, но что приехал я, собственно говоря, из-за нее. Это я ей сказал в первый же день. Почти все время мы проводили вместе, в магазинах, в кафэ, в театре. Она не спросила ни разу, чего же я, в сущности, хочу от нее. Она держалась в рамках повседневности. «Посмотрите, какое красивое платье. В нашем доме швейцар страшно смешной. Если бы было теплее, я бы взяла мороженое. Я наверно не найду в Париже никакой работы, подруга советует мне уехать в Бразилию».

Я чувствовал, что не могу больше откладывать свой убогий, хоть и заранее приготовленный монолог. И вот тогда, в кафэ на бульваре Сэн-Мишель, я начал, стыдливо и монотонно: я знаю, что для меня нет никакой надежды на ее расположение (это слово мне очень не нравилось, но я не мог найти более подходящего), знаю, что я уже человек пожилой, у меня жена и взрослые дети, и все же...

Я замолчал, потом начал снова, но на этот раз иначе,

сентиментально: вокруг нас все рухнет, перед нами внезапно открылась простая, обнаженная жизнь. Меня невыразимо тяготит мое одиночество. Я слишком погряз в нем, и порой ощущаю веяние смерти. Я напрасно ищу людей, которые помогли бы мне выбраться из него. Моя последняя надежда, — это она, Ольга. Я не хочу от нее ничего, кроме...

Я снова надолго замолчал, а затем заговорил робко и неубедительно:

— Я вас люблю... уже годы... не знаю, как без вас...

Она погладила мою руку, улыбнулась и тихо сказала:

— Я знаю.

Она подождала минуту, чтобы убедиться, есть ли у меня еще что на сердце, и, наконец, стала говорить сама с какой то тоскливой покорностью. Мое смущение быстро перешло в удивление, а затем в ужас.

Она тоже уже немолода. Она питает ко мне уважение, а это больше, чем любовь. Она все понимает, замужество тяготило ее самое еще задолго до смерти мужа. События заставили ее покинуть Прагу, она совершенно одна, она давно втайне думала обо мне. Она не хочет разрушать мою семью, ей ведь надо очень мало, и она надеется, что и мне этого хватит: я о ней должен позаботиться, а она будет для меня больше, чем просто другом.

Я ожидал всего, но только не этого. От удивления у меня заняло дух. Я понимал только одно, что мне доступно нечто, о чем я никогда и думать не смел. Радость боролась во мне с чувством, напоминавшим разочарование. Но соблазн был сильнее, и на минуту затмил неприятную мысль: ведь она отдается тебе за деньги.

Но эта мысль была неотступна. И Ольга ничуть не старалась замаять ее.

Дома все как-нибудь уладится, я буду волен и свободен, смогу приезжать в Париж, мог бы уже и теперь снять здесь квартиру, а она бы о ней заботилась.

Все предметы начали передо мной кружиться, я пере-

Н о в о с е л ь е

стал слушать и понимать. Мне хотелось остаться одному. Красный и смущенный, я попросил у нее разрешения удалиться ненадолго. Я и в самых смелых мечтах не решался надеяться, что она... И теперь я так потрясен, радостно потрясен, что, да, да, мне надо побыть немного одному... Вечером мы встретимся и отпразднуем нашу... дружбу, новую дружбу!

Я поцеловал ей руку. Она сказала:

— Вы большой ребенок. Ну, идите домой подумать. Но вечером я буду вас ждать в отеле. Ах нет, вечером у меня одно неотложное дело. Но это неважно. Приходите попозже, после одиннадцати.

Я выбежал из кафэ. Впервые с юношеских лет кровь моя распалась от чувства, напоминавшего большое счастье или большое вдохновение. Но это не было ни то, ни другое. Я стоял на пороге измены. Да, Ганичка, немного не хватало, чтобы я изменил тебе.

Омытый недавним дождем, воздух резко врвался в легкие, его было слишком много сразу, он ускорял дыхание и биение сердца, он веял невоспоминаемым ароматом и звучал легчайшим ритмом какой то давно позабытой любовной песни. Господи, как странно у человека на душе, когда он готовится к измене! Он оглядывается, не следит ли кто-нибудь за ним, и все случайные прохожие, едва замечающие его, кажутся милыми, славными, умными. Он радуется, что затерян в толпе, что никто не знает его намерений, что он развязался, что он вольный, свободный, один со своими мыслями.

Прохожие обходили лужи, смешно подымаясь на цыпочки. В говоре толпы звучало гораздо больше смеха, чем у нас, в Праге, автомобили двигались быстрее, чем у нас, женщины казались моложе, а дети резвее.

— Ты в Париже! — повторял я себе. — Ты можешь покрасить себе волосы, и никто не будет смеяться над тобой, можешь переменить имя, можешь...

Я не отдавал себе отчета, что продолжаю ходить взад и вперед по тротуару, под окнами кафе, из которого я только что вышел. Внезапно я увидел Ольгу. Она осталась сидеть у того же столика, как бы окаменев. Она сидела, скрестив перед собой руки, склонив к левому плечу голову, с губами, полуоткрытыми в замерзшей улыбке. Так я ее оставил, так она и продолжала сидеть.

Я смотрел на нее пораженный, не в силах обнаружить ни проблеска жизни в ее неподвижности. Я перевел дыхание когда она, наконец, пошевельнулась. Резким жестом она уронила на колени руки и подняла голову. словно испугалась, или словно ее смерть коснулась. Затем она снова замерла в своей позе, но на этот раз ненадолго. Через несколько секунд она положила руки на стол и опустила на них свою падающую голову. Все тело ее сотрясилось от бурных рыданий.

Теперь я вспоминаю, что тогда я как то вдруг обмяк. С минуту я искал по карманам платок, чтобы утереть глаза. Впрочем, слез на них не было. Ко мне подошел полицейский и вежливо спросил, не ищу ли я чего-нибудь. Я протянул ему свой паспорт, но он с улыбкой отклонил мою руку. Он просто хотел мне помочь, у меня был такой беспомощный вид. Я его уверил, что он мне помочь не может, и отошел.

Моросил дождь. Но я не замечал ни дождя, ни пронзительного холода, который сжимал грудь и леденил пальцы на ногах. Я шел и шел, куда глаза глядят, по хлюпающей грязи парижских улиц. Глубокая задумчивость поглотила меня. Неприятная влажность раздражала и мою кожу, и мои мысли. Без особого труда и волнения я понял, что заблудился. Я оставил дом, жену и детей, сделал некрасивое предложение чужой женщине, которая из-за этого расплакалась, и с которой мы больше уже никогда не увидимся. Долго еще я буду вспоминать эту попытку измены, свою неловкость и низость. Моя бесславная жизнь окончится зна-

Новоселье

менитым разбитым корытом. Надо возвращаться домой. Сегодня же. Ни в коем случае не позднее завтра.

Дождь освежал мои виски. Через пелену мелких слезинок просачивался свет. Еще только что во мне горел молодой огонь, и люди и вещи казались мне волшебными и добрыми. Теперь же было только одно: сосущий червячок, глодавший мозг и сердце. Люди стали противными, пошлыми и недоброжелательными, а вещи — ненужными, некрасивыми, плохими. Куда исчез чудесный луч надежды? Боже мой, куда пропала вся могучая красота и сила молодости, которая только что блеснула мне в соблазне измены? Плеск дождя и странная смесь запахов, голосов и звуков окутали мои мысли. Я спал с открытыми глазами. Широкие бульвары вдруг представились мне моими первыми жизненными путями, витрины магазинов блестели остатками сокровищ детства, хруст льда под шагами звучал отголоском ребяческих игр, фантастическое нагромождение зданий вставало воздушными замками первых смелых планов. На мгновение Париж, эта столица столиц, заколдовал еще одного безумца. Город легких шелестов, тихо замирающих речей, голубого тумана, ароматов любви, город смеха, веселой дерзости, авантюры и маскарадов...

Еще один из миллионов заблудившихся бродил по Парижу, ища в причудливом беспорядке аллегорических витрин сокровища детства, узнавая в беглых силуэтах накрашенных красавиц мечты своей юности, а в лицах солдат, булочников и шоферов — друзей из своих давно разлетевшихся сновидений. Кружась по Парижу, я блуждал по рождественским ночам, по дням великих паломничеств, по сумеркам школьных каникул, по медовым рассветам на холмах, по шоколадным дням веселых именин.

Куда ушла радость тех времен? Ее унесли ветры, размыли дожди. Чем я тогда платил ей? Отвагой, верой, молитвой. Все это отмерло. Чем бы я мог платить теперь?

На мгновение я очнулся, вспомнил про дом, про возвра-

щение, и сердце у меня резко сжалось. Я даже застонал. Но в эти секунды я понял, что у меня есть, чем платить: страданием и выносливостью. До сих пор терпения у меня было мало.

Но и сейчас, как и много раз до этого, проблеск правды сразу затемнила игра воображения. Я начал жалеть себя. Я не мучусь? Я избегаю страдания? Я ответил себе злым смехом и начал убеждать себя, что я самый несчастный, обездоленный страдалец.

Между тем наступил вечер, дождь перестал. Быстроногая толпа теснилась теперь к разноцветным огням, к взрывам смеха, криков, пения и веселой музыки, вырвавшимся из кафе и баров. Вечный поток буйного праздника, непосредственного веселья и нескрываемого разгула, казалось, не преграждался ничем. Он поглощал все живое и неживое. Только я один оставался как то в стороне, я, да еще промокший полицейский на перекрестке и какой то нищий инвалид, стоявший в ожидании подаяний под фонарем около какого то подозрительного отеля. Я дал ему несколько франков. Это не тронуло и не удивило его. Мне хотелось стремглав окунуться в этот пенящийся омут огня, звуков, животных запахов и мычащей чувственности.

— Пойдем выпить со мной стаканчик, — сердечно предложил я инвалиду.

Тот не отвечал. Он был видимо глух. Ну и прекрасно, по крайней мере завтра у меня не будет болеть голова. Эх, даже пить я не умею!

Это случилось как раз когда я отошел от инвалида. Где то передо мной невидимый газетчик выкрикнул два раза подряд:

— Экстренный выпуск!

Из подозрительного отеля вышла группа взволнованных людей, не то ссорясь, не то оживленно споря. Их голоса сливались в неразборчивом говоре, из которого я мог разобрать

только резкую ругань по адресу «грязных иностранцев». Это был женский голос.

В это время на меня налетел рослый рабочий. От него разлило пивом. На мгновение он нежно обнял меня за плечи, как бы извиняясь, и конфиденциально сказал:

— Это пахнет всеобщей мобилизацией!

Но прежде, чем я мог спросить в чем дело, он уже исчез. Я огляделся, но не увидел и не услышал ничего странного. Ленивое течение ночи казалось ничем не было нарушенным. Только необычно большое количество прохожих читали находку газеты.

Помню, чтобы уведомить меня о происшедшем, судьба выбрала небритого молодого человека, с зажатой в левом углу рта папироской. Он шел как слепой, или лунатик, один Бог знает как не сталкиваясь с другими прохожими. На ходу он читал широко развернутую газету, которую держал в далеко вытянутых перед собой руках. Наверно, он был дальнорорким. Я обошел его с одной и с другой стороны, стараясь заглянуть в его газету, но прочесть мне ничего не удалось. А где то недалеко газетчик опять закричал:

— Экстренный выпуск!

Где он, черт возьми? Где все эти люди покупают газеты? Неужели поблизости нет ни одного киоска?

Я обратился к молодому человеку:

— Будьте добры, не могли ли бы вы мне сказать, что случилось?

Он пристально посмотрел на меня, улыбнулся, звучно сплюнул, не вынимая папироски изо рта, и ответил:

— А разве что-нибудь случилось? Я не знаю. Я решаю крестословицу. Я всегда их просматриваю по дороге домой, а окончательно решаю их уже когда лягу в постель. Слушайте, вы случайно не знаете, кто был самый знаменитый английский король в 16 столетии? Это... раз, два, три... пять букв. Нет, подождите. Вы говорите, что-то случилось? Давайте, посмотрим первую страницу. Ага, вот!

Я прочел:

— Конец Чехословакии.

Дальше следовало краткое сообщение о поездке чехословацкого президента в Берлин и о немецких войсках в Моравской Остраве.

— Благодарю вас! — громко воскликнул я. — Покойной ночи.

И я подал молодому человеку руку. Он думал, что я или пьян, или сумасшедший, и это его забавляло. Он охотно пожал мою руку.

— Покойной ночи, приятель.

Он невежливо рассмеялся и ушел. Я пошел в другую сторону.

Я старался обдумать случившееся. От Острavy до Праги приблизительно... сколько километров? Кто бы мог быть самый знаменитый английский король в 16 столетии? Конец Чехословакии! Это значит, что... Броситься в Сену? Ну, нет еще. Я уже никогда больше не увижу Ольги, и никогда о ней и вспоминать не буду. Конечно, я должен вернуться. Может быть, немцы уже в Праге. Где они разместятся? Ясное дело, в школах и церквях. Кладбища может быть пощадят. Действительно, что им делать на кладбищах? Конец Чехословакии! Ганичка хотела... Нет, просто глупость. Самоубийство, это слабость, как говорил профессор Марек, и как за мной повторяла это Марта, уговаривая Йоганну. Господи, Господи, смилуйся. Ганичка хотела, чтоб я остановился в гостинице Гласьер.

— Такси, такси!

Мне повезло: такси остановилось.

— Улица Гласьер!

Друзья мои, сохраняйте спокойствие, это совершенно необходимо. Самое важное, это не терять голову. Помни, друг мой, не теряй голову. Сколько человек сошло с'ума в эти минуты? Предположим, пять тысяч. Кладбища выдержат. Что, уже приехали? Невозможно.

Новоселье

Шофер взял протянутую ему крупную ассигнацию и сказал, не спуская с меня глаз:

— Вы кажется думаете, я могу разменять ее? Что я, вор что ли?

— Мне не надо сдачи.

— Спасибо, благодарю покорно. Вы американец? Если разрешите... у вас есть платок? Ну нет, так хоть рукавом утрите, а то вы выглядите ужасно. У вас кто-нибудь умер?

— Вся семья.

— Вот история! Несчастье какое?

— Да.

— Выпейте коньяку, успокойтесь.

— Это правда, да, коньяк, спасибо.

И я протянул этому чужому человеку руку.

Перевод с чешского

Х. Кротковой

СОФИЯ ПРЕГЕЛЬ

ПАРИЖ

Играет предместьями Сена
И парус уводит на дно,
Заката высокие стены
Багряное прячут вино.

И ловит последнее пламя
Обманная сумерек тишь,
Но так же гудит под мостами
Бездомный и дерзкий Париж:

Тому, кто верен отчизне,
Ты сердце отдашь, и вновь
Из черного камня брызнет
Твоих революций кровь.

Вот мелкие воды в бассейне
Вздымает рассерженный март,
Не в этой ли тусклой кофейне
Играл молодой Бонапарт.

И падали, падали троны,
И шли на восток облака,
Покуда на шахматах сонных
Его застывала рука.

Не здесь ли, у старой башмачной,
Угрюм, беспокоен и сер,
Стоял он, сухой и невзрачный,
И звали его Робеспьер.

Новоселье

Но так же небес позолоту
Луча пробивало копье,
Когда за спиной санкюлота
Румяное билось тряпье.

Тому, кто верен отчизне,
Ты сердце отдашь, и вновь
Из черного камня брызнет
Твоих революций кровь.

В молчаньи обугленной ночи
Восстанья короткий сигнал.
Знакомый, сутулый рабочий
Заходит в проплеванный зал,

И вдруг кулака железо
Упало в стойки трезвон,
И ринулся в Марсельезу
Задымленный граммофон.

В трубе раздавались рыжей
Веселых граждан шаги.
Не может быть, чтоб в Париже
Хозяйничали враги.

Тому, кто верен отчизне,
Ты сердце отдашь, и вновь
Из черного камня брызнет
Твоих революций кровь!

СОФИЯ ПРЕГЕЛЬ

БРЕТОНСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Остров уходит в море тумана,
Бледное солнце село на мель,
И над водою клич корморана...
Будешь матросом, Ив-Габриель!

Парус по кручам бешено скачет,
Пусто и дико в этой глуши.
В сером поселке дед твой рыбачил,
В сонном закате сети сушил.

Овцы стоят на медленном склоне,
В небе барашки ходят легки.
Как умирал отец твой в Тулоне,
Будут рассказывать старики.

Как трепетала, гневом об'ята,
В громе железном глаз синева,
Как на смолу тяжелых канатов
Тихо склонилась голова.

В дом свой, поросший мохом и цвелью,
Он не вернется, не суждено.
Не постоит он у колыбели
И на луну не взглянет в окно.

Яблони цвет осыпался ранний,
Флюгеру снятся вещие сны,
Как до конца, за счастье Бретани,
Будут ее сражаться сыны.

Новоселье

Это поет прибой неустанно,
Это играет ветра свирель,
И повторяет клич корморана...
Будешь матросом, Ив-Габриель!

Х. КРОТКОВА

Пустынен берег, моря брат,
Пустынны дали голубые,
И я, как много лет назад,
Стою над дышащей стихией.

Открыт мой взор, хоть стан согбен —
Бесстрашна высь потухших молний.
О, вопли ветра о судьбе,
Несовершенной и неполной!

Какой пронзительный простор,
Как даль восторженно пустынна!
Все отошло, и с этих пор
Душа свободна и невинна.

О, легкая, не трепещи,
Тебе ль не выдержать сравненья:
Пустыня, солнце, и в тиши
Тяжелых волн сердцебиенье.

ГЕОРГИЙ ГРЕБЕНЩИКОВ

ПОСЛЕДНИЙ РЯД

1944

Copyright by the author

Затея была рискованная и для провинциального университета просто невыполнимая: поставить величайшую музыкальную драму, вдохновенное библейское сказание об Илье Пророке, на котором, в сущности, и была утверждена вера в единого Бога Израиля.

Так как эта драма слишком трудна для постановки, то все величие мендельсоновского музыкального слова знают немногие. Сложна в ней роль Ильи Пророка, но еще сложнее роль народа, который должен выразить себя в гармоническом движении массовых сцен, в борьбе земли против неба, посылающего мертвящие засухи и затопляющие ливни.

Но на этом безумном предприятии сошлись два энтузиаста: глава университета и дирижер, тот самый, который ставил Илью Пророка на Чикагской Выставке и прогремел по всей стране.

Он сразу понял, что на крупные затраты университет не пойдет, и значит придется доложить на постановку свои средства. Главный удар он почуял во время первой же репетиции. Предполагалось, что должны участвовать все без исключения. Это бы помогло привлечь певцов со стороны и, может быть, отобрать из скромных и застенчивых кой какие голоса.

Но вот на первую репетицию пришло немного больше ста студентов, в большинстве девицы, и не более десятка членов профессуры.

Дирижер, убеленный сединами, но еще бодрый, подвиж-

Новоселье

ной, гладко выбритый господин, стоял некоторое время в полном оцепенении и, видимо, не знал, начинать ли репетицию. Громадный зал выглядел оскорбительно пустым. Хоть бы из любопытства пришли, иначе похоже на бойкот! Но колебание продолжалось с полминуты. Он улыбнулся, и голос его прозвучал молодо и бодро:

— Ну, ничего, все равно мое будущее уже в прошлом.— И пошел по жиденьким рядам раздавать увесистые, хорошо напечатанные тетради нот.

В последнем ряду одиноко сидела женщина, как бы стеснявшаяся сливаться с другими. Ноты она взяла с виноватым видом, потому что не только не собиралась петь, но не могла бы правильно прочесть текст стихов. Она была иностранка и по своему поняла тяжелое положение дирижера, о котором говорили, как о большом артисте. Она поняла, что за его бодростью кроется нечто большее, нежели простая обида. Открылась пропасть, через которую он должен чудом перепрыгнуть или... или... упасть в нее.

**

Эта иностранка, последняя спица в университетской колеснице, была здесь новым человеком, но ее уже многие знали по забавному произношению английских слов, и проявляли к ней нелicenseрную симпатию. В ней не было ничего, что выделяло бы ее из толпы, но вся ее естественность: простая твердая походка, потемневшие, когда то светлые волосы, всегда опрятное, хорошо сидевшее платье — все привлекало.

Зато, как резко менялась она на своем посту, который был далеко не женским: она заведывала университетской типографией. Возможно, что во всей Америке это была единственная женщина, совмещавшая столько обязанностей, практического опыта, энтузиазма. Она не только учила, она сама набирала, переплетала и исправляла далеко не новые типографские машины.

В большой семье профессоров сначала перешептывались: как она могла преподавать, не зная в совершенстве языка? Ответом были первые ее работы и ее первые студенты, которых она сразу же превратила в своих помощников. Где и когда она всему этому научилась? Ответить на это можно было бы романом ее жизни. Сейчас это оставим без ответа.

Ежедневной работы для нее было недостаточно. Сплошь и рядом ее можно было застать в типографии далеко за полночь. В эти часы добровольного труда она была увлечена какими то рисунками, комбинациями оттисков, макетами, и за это она снискала себе общее признание.

Положение с первых же месяцев создалось невыносимое. Работы накопилось столько, что выполнить ее не хватало ни сил, ни времени, а отказать кому либо было трудно. Она стояла по двенадцать, по четырнадцать часов в сутки на цементном полу, в отравленном типографском воздухе. Все это видели, почти все сочувствовали, но никто помочь не мог, и работа увеличивалась: то лекция приезжей знаменитости, то концерт консерватории, то церковная конвенция, или дебаты со студентами других университетов, а то надо готовиться к большому годовому торжеству... Университетская жизнь многообразна и кипуча. И все срочно, все сегодня же. Она сдерживается до поры до времени, но вот густая сетка усталости легла на лицо, вечно в чернильных пятнах. Руки давно не знали маникюра. Они в ссадинах, в ожогах от брызг расплавленного металла, они непозволительно грязны.

Естественно, что некоторые «настоящие» дамы не прониклись уважением к иностранке. Думали, с кого и спрашивать — простая работница. Только зачем она взялась за мужское дело? Впрочем, у них в стране все чернорабочие, все работают без передышки, как рабы. Но трогательны в своем отношении к ней были студенты. Они не только понимали ее с первого намека, они осторожно поправляли ее ошибки. Как то одна из студенток подбежала, стерла своим платочком чернильное пятно с лица инструкторши и поцеловала ее.

Это было то, что больше всего трогало. Она панически боялась, что именно студенты будут над ней смеяться, передразнивать неправильно сказанные слова и передавать их как анекдоты. Этого не случилось. Студенты полюбили ее. Подвальное помещение типографии стало пользоваться популярностью. Студенты приводили своих товарищей, знакомых студентов, а те, в свою очередь, своих друзей. В типографии открылся как бы клуб. Молодежи не запретишь быть веселой и шумной.

Однажды ночью, когда инструкторша в своем подвале что то выкраивала из картона, в типографию вошел дирижер и виновато улыбаясь, сказал:

— У меня только что кончилась репетиция. Проходя мимо, я заметил огонек. Простите, я знаю, как вы устали...

Вид у него самого был утомленный, лицо выглядело старше, чем обычно, а в глазах — безмолвное отчаяние.

Она посмотрела на него и поняла в чем дело. Она знала из разговоров в столовой, что против него образовалась глухая оппозиция со стороны давно налаженного университетского хора. Студенты любили свой старый хор, любили его дирижера. Поэтому, не сговариваясь, вся студенческая масса бойкотировала нового заведующего музыкальной частью; этим объяснялось их отсутствие на репетициях.

Дирижер ни словом, ни намеком не выразил своего состояния. Он не унизил себя рассказом о том, почему у него произошел разрыв с главой университета.

— Я знаю, как вы страшно заняты, — повторил он, — но все же нам надо было бы хоть какую нибудь программу напечатать.

Это значило, что дирижер решил пронести свое бремя до конца. В сущности, какое было дело иностранке до сложных постановок, до глухой внутренней борьбы. Но почему то

грустный взгляд усталости сменился у нее улыбкой сочувствия. Дирижер это заметил и тоже засветился благодарностью. Вот чужая, полунемая в языке, а поняла, душевно поняла.

— Хорошо, — сказала она шопотом заговорщицы. В мозгу ее уже пронеслось решение: утешить этого человека. Если не удастся самая постановка, то хоть остался бы печатный о ней документ.

**

В план постановки входило привлечение церковных и певческих организаций со всей округи. Это оказалось невозможным. Дирижер спрашивал каждый раз добавочный газон, метался по городам на своем автомобиле и устраивал репетиции на местах. Благодаря сверхчеловеческой энергии, он добился своего: хор стал разрастаться, появился энтузиазм к работе. И все же, после трехмесячного метания, вместо тысячи певцов, набралось только около четырехсот.

Между тем время шло. Приближалась неделя юбилейных торжеств. Не дремала и типографшица. Несмотря на возрастающее количество заказов, она разработала программу, снабдила ее массой иллюстраций и художественным заголовком на обложке.

Расчет был верен. На первой странице решено было поместить портрет главной солистки, бывшей студентки этого университета, вышедшей замуж за миллионера. Она должна была приехать из Нью Йорка. Затем портрет главного солиста, в рубище пророка Ильи, на фоне пустыни. Он приезжает из Чикаго. Тот самый, знаменитый. Затем следовали другие солисты и солистки; снимки зданий университета, его самые декоративные уголки; краткий текст сказания о Пророке, словом, все, что может послужить рекламой.

Когда был показан готовый проект дирижеру, тот ахнул... Ахнул от удивления и от страха:

Новоселье

— Да «он» же этого нам не разрешит. Ведь это же будет стоить больших денег, не говоря уже о том, что технически это сложно. Да и когда вы найдете на это время?

— Я все предусмотрела. Клише уже заказаны. От вас зависит дать все тексты. — Она торжествующе прибавила: — как раз сегодня «хозяин» был в хорошем настроении. Я ему подсказала, что было бы недурно издать какойнибудь сувенир для продажи. Ведь вы ожидаете не менее десяти тысяч на оба представления...

— Бог с вами! В Америке никто программ не покупает... Это, наверное, не пройдет.

— Прошло уже... Я показала ему макет, и он одобрил. Как и вы, он не верит, что будут покупать, но разрешил попробовать.

Программа-сувенир явилась не только моральной поддержкой для дирижера, но и собирательной силой. Для иногородних, которые еще колебались, смогут ли они участвовать в представлении, утверждалась вера в серьезность постановки.

Все шло как будто хорошо, как вдруг разразился неожиданный удар. Глава университета потребовал, чтобы из программы вычеркнули список хористов. Мотив его был основателен: всюду об'являли и хвалились, что хор будет из тысячи человек, а тут с трудом набирается четыреста. Сами себя публично должны признать банкротами.

На этот раз у дирижера опустились руки. Без списка никакой программы ему не нужно... Это вопрос его чести.

— Тогда... Ну что ж тогда? — с трудом выдавил из себя дирижер, — тогда Илье Пророку не бывать на этой сцене... — И ушел из типографии.

Иностранка, в своем рабочем, испачканном чернилами халатике, со сбившимися на сторону волосами, осталась по-

среди обширного подвала и не слышала, о чем ее спрашивали ожидающие последних распоряжений студенты. Она сразу стала как бы меньше ростом, ссутулилась. И ни до кого ей не было теперь дела: ни до дирижера, ни до всех четырехсот участников. Но ей стало мучительно жаль вот этих студентов, с таким энтузиазмом помогавшим ей проделать сложную работу, которая теперь вся рушится.

Было утро. Оставалось не более девяти часов до того, как люди из разных городов начнут с'езжаться. Какое оскорбление для них эта новость! Иностранка не могла понять, отчего ей так больно. Может быть от того, что слишком много провела она бессонных часов в спертom, отравленном воздухе. Голова у нее закружилась. Она чуть не упала. Ее подержал один из студентов и помог ей выйти на воздух.

— Солнышко! — сказала она слабым голосом. — Март, весна, воздух какой чудесный! — И точно впервые увидела она этот теплый южный край, весь в цветущих азалиях. Земной рай, которого она по настоящему не оценила. И эти здания, солидные, фундаментальные, и эти юные существа, стройные девушки, звонкоголосые юноши. Сколько их уже прошло здесь! — сменились поколения, но ими и для них живет это маленькое царство, апельсиновая роща в семьдесят акров... Она закрыла лицо руками, чтобы пробегающая молодежь не видела ее и живо представила себе последние годы своей жизни в Америке: борьба за хлеб, за жилище, за самый труд, за самую любовь к этой стране. Это длинная и пестрая история. И вот заветная мечта ее осуществилась. Как полюбила она этот университет и людей, собирающих для него медовые соты знания. Теперь все это кончилось. Да, это все кончилось в тот момент, когда дирижер об'явил, что Илья Пророк здесь не пойдет.

— Нет, Илья здесь будет! — сказала она громко, — но меня здесь не будет! — И с этими словами она, пошатываясь, спустилась в типографию.

Никогда еще студенты не видели такого строгого лица у своей инструкторши. Никогда еще она не возвышала голоса с такой суровостью.

— Бросьте все остальное и немедленно проверьте список участников. И все за работу, живо. Чтобы к семи часам хоть один экземпляр был совершенно готов.

— А как же?.. — робко спросил Боб, относившийся к ней заботливей всех.

— Запомните, сейчас для нас важнее всего, чтобы постановка состоялась. От этого зависит репутация университета. С Богом, за работу!

Не надо описывать, какое рвение было проявлено за эти часы. Но первый оттиск не был еще готов, а массы людей уже начали стекаться к ротонде для генеральной репетиции. Многие были в костюмах. Солнце закатилось, и толпа на фоне декораций и гирлянд зелени представляла собой странное смешение будничной действительности с библейской фантастикой.

В типографии напряжение возрастало.

— Этот лист еще влажен. Осторожно, краски размажутся. Скорее подсушите его над электрической лампочкой... Не так... Не надо тискать, возьмите линейку, вот так. Скорее, дайте, я сама сошью руками.

— Он идет, он подходит к ротонде! — испуганно шепчет Ральф, неотрывно следящий за толпой.

— Ральф! Ральф! Бегите, живо, зовите его сюда. Он может об'явить... Надо ему помешать... Бегите, не давайте ему даже рта открыть. Все может провалиться от одного его слова...

Все молча столпились у окна. Ральф бежит, он видит, что дирижер явился даже без своей палочки. Явно, он пришел только для того, чтобы произнести надгробную речь над Пророком. Ральф добежал. Он смело растолкал стоявших на

дути людей. Но в толпе уже началось волнение. Сумерки сгустились. В ротонде вспыхнул свет. Из за толпы не видно ни лица, ни даже фигуры дирижера. Свет в ротонде погас. Неужели все кончено? Ведь если он успел сказать, то уже слова своего не изменит... Нет, он вышел из толпы. Ральф впереди ускоряет шаги. Ведет, тащит дирижера за руку... Вот уже видны их лица из окон типографии.

Помощники инструкторши встретили их торжествующим смехом. Инструкторша непривычным для нее резким тоном спросила:

— Объявили?..

Дирижер обвел глазами присутствующих и трясущимися руками взял одну из программ, развернутую как раз на списке участников. Затем он испытующе посмотрел прямо в глаза иностранке, и взяв обеими руками ее непричесанную голову, поцеловал в измазанный лоб. Выхватив несколько программ, он пустился к ротонде. Ральф, Боб и остальные побежали за ним. Женщина осталась одна в примолкшей, ярко освещенной типографии. Она видела, как в ротонде снова вспыхнул свет. Было ясно: генеральная репетиция состоялась. Слезы остались невыплаканными и продолжали дуть. Она знала, что карьера ее здесь окончена. Усталой походкой она подошла к контрольной доске, погасила свет и в темноте вышла из типографии.

**
*

Небольшой университет потому и процветал, что его глава умудрялся не только доставать лучших лекторов, певцов и артистов, но еще как то умел извлекать из них материальные выгоды. На этот раз у него был определенный расчет на то, что его бывшая студентка, талантливая, но еще не знаменитая певица, несомненно почтет за честь выступить с прославленным дирижером. Надо только хорошо ее встретить, помочь ее успеху. Но, позвольте, — внезапно вспомнил

Новоселье

он о конфликте с дирижером — а как же быть? Неужели самое представление не состоится? Если дирижер действительно отменил постановку, то это скандал!..

Так рано, как только мог позволить этикет, он поехал в отель.

— Мэри! — воскликнул он, вспомнив, что лет десять тому назад так звал ее.

— Замечательно! — вместо ответа на приветствие сказала она, потрясая брошюрой, в которой ему и в голову не пришло бы узнать юбилейную программу. — Спасибо за такое внимание ко мне. Портрет вышел превосходно.

Глава университета с изумлением слушал рассказ о том, что генеральная репетиция прошла блестяще, — хотя она на нее немного опоздала.

— Вы знаете, это лучше, что ваш хор не такой громоздкий. Я страшно боялась, что хор и в самом деле будет в тысячу человек. В конце концов в провинции, едва ли можно было набрать столько хороших певцов. А этих ваш дирижер так чудесно вышколил... Для меня было наслаждением с ним репетировать.

Вот как, к его изумлению, повернулось это дело. Он еще всего не разобрал, он только поразился, что в их несовершенной типографии могла быть напечатана такая программа. Главное же, эта молодая миллионерша в восторге, и значит дар университету почти обеспечен.

В воскресенье утром иностранка пришла в свое подвальное помещение, чтобы почистить все и порвать ненужные бумаги. Она даже приготовила со словарем решительное, без ошибок в английском, заявление:

— «Да, я взяла на себя смелость нарушить ваш приказ. Я знала, что меня за это ожидает. От вас зависит, правильно меня понять, или несправедливо наказать». Она нервно рвала

и бросала в корзину массу ненужных теперь записей, вытирала пыль с деловых книг, перекладывала разбросанные инструменты. Потом сообразила, что уйти, не закончивши брошюровки программы, было бы нехорошо. Тогда вся ее жертва никчему.

На полу валялись доски от только что распечатанного ящика. Повернулась, бросилась к нагроможденной кипами, свеженапечатанной обложке, и вдруг, ступила на одну из досок и вскрикнула, присела... Торчавший из доски гвоздь, проткнувши ботинок, вонзился в ногу. Выдернула его с трудом, оставляя следы крови на цементном полу. Ее увидели пробежавшие студенты, довели до амбулатории. Рана оказалась неопасной, а ходить она, все таки, не могла. Наконец то она отдыхала. Но во вторник уже с утра заволновалась: ведь в этот день первое представление Ильи Пророка.

— Надо же программу закончить. Наготовить, по крайней мере, тысячу на первый вечер...

К ней поочередно прибегали Боб и Ральф. Оба были в приподнятом настроении. Боб шептал:

— В типографии у нас дюжина девиц. Работают, фальцуют, складывают...

— Было распоряжение, чтобы вам помогали, — подмигнул Ральф.

— Вот как! Распоряжение!

Погода к вечеру нахмурилась. Подул резкий ветер. Платформы, представлявшие пустыню и выступавшие из ротонды прямо в парк, уставленный бесконечными скамьями, слились с настоящими песками, кустарником и склоном, сбегавшим в синеву озера.

Несмотря на погоду, публика собралась еще до заката солнца. Многие запаслись зонтами, другие захватили с собой одеяла, но большинство верило в южный март. У всех была одна забота — занять место поближе к сцене. Быстро и густо роилась толпа вокруг ротонды. У публики было достаточно времени оглядеться, и еще при свете зари увидеть в руках

Новоселье

студентов программу-сувенир. Первые экземпляры ее были расхвачены немедленно. В типографии шла непрерывная работа. Студенты и студентки, один за другим, убегали на представление, и типографщица одна успевала пополнять запасы и снабжать продавцов. Она лишь открыла окно, чтобы слушать громкоговоритель.

До слуха ее донеслись первые взрывы аплодисментов. Затем раздались звуки женских голосов, затем стонущие мольбы народа и, наконец, взывающий и протестующий низкий баритон Ильи Пророка...

Ей очень хотелось хоть одним глазком посмотреть на то, что там происходит, но Боб только что прибежал и сказал, что нужны еще хоть сотни две-три экземпляров.

И только в самом конце представления, припадая на пораненную ногу, она украдкой, чтобы никто не видел ее непричесанной, пробралась в самый последний ряд.

Пророк лежал в песках пустыни, изнеможенный голодом и жаждой, но голос его звучал экстазом веры, и горящие глаза впивались в небо, откуда отвечали ему ангелы в белых ризах.

Это были удивительные минуты, может быть часы... Может быть целая вечность.

Но вот все окончилось. Долгие рукоплескания приветствовали и пророка, и солисток, и весь хор и, главное, дирижера. Когда же затихли аплодисменты, дирижер сделал знак рукой, прося у публики внимания.

— Господа, я нахожу, что сегодняшнее представление, по совести, надо считать лишь генеральной репетицией. Я искренно благодарю всех участвующих за сотрудничество и всех вас за снисходительное отношение. Но... — Он сделал паузу и оглядел публику, отыскивая кого-то в ближайших рядах. — Но я должен вам признаться, что если представле-

ние состоялось, то этим мы обязаны одной маленькой женщине... Я боюсь, что не смогу правильно произнести ее имя, — и он повысил голос: — мадам заведующая типографией, где вы? Встаньте, подойдите!.. — Дирижер хотел еще что то сказать, но приветственные крики заглушили его слова и продолжались, пока иностранка колебалась встать ли ей. К ней подбежали Боб и Ральф, и под несмолкаемый гром приветствий, хромая, она направилась к ротонде. Путь ее был длинен, длиннее, нежели путь пророка по пустыне, и она не смогла его пройти. Не дойдя, она упала между скамей, на песок.

Публика, недоумевая и волнуясь, толпилась вокруг упавшей женщины. Не все могли понять, что случилось, хотя знали, что это была та иностранка, которой они так долго и горячо апплодировали.

— Ну, как могла она помочь? Это смешно.

— Один из анекдотов... А что с нею случилось? Разрыв сердца?

— Завтра из газет узнаем... В с кем едете? Пешком? Нет, нет, мы вас можем взять в машину.

Густыми потоками разливалась толпа и лишь немногие сопровождали носилки, на которых отнесли женщину в маленькую больничную палату. Она оставалась без сознания до утра. А утром доктор осторожно выразил предположение, что от поранения гвоздем, у нее не исключена возможность заражения крови.

Вся эта история нигде, ни в чем не приукрашена. Однако, автор не устоял перед искушением узнать кой какие подробности.

Прежде всего, эта иностранка, приехавшая в Америку в расцвете своей юности, в течение ряда лет преодолела неопишуемые трудности. По формальным причинам она еще не

Новоселье

была подданной этой страны и место в университете получила только благодаря имени своего мужа, талантливого, но измученного неудачами человека, уже два года находящегося в санатории для туберкулезных. Музыкант и композитор, он был далек от практической жизни и не способен на компромиссы. И она с готовностью разделяла его борьбу.

За последние недели от мужа не было никаких известий и когда, в субботу утром, она послала Боба на почту и узнала, что писем нет, она пришла в уныние. Однако Боб как то странно улыбаясь сообщил, что им дали очень интересную программу для печатания на сегодняшний, последний вечер.

— Принесите мне ее для просмотра.

— Нет, сказано, чтоб вам ее не показывать, — выпалил Боб.

Это было непонятно и тревожно.

После обеда глава университета явился в больницу сам:

— Вы должны быть сегодня здоровы, — сказал он. — Я хочу, чтоб вы были на этом вечере. Ведь сегодня у нас будет заключительное торжество возжигания свечей в честь выдающихся людей, принесших университету ту или иную пользу за последние годы.

Было странно слышать от него такую длинную приглашительную речь. И необычайно лестно. Конечно, она будет, если бы даже нужно было идти на костылях. Но костылей не потребовалось. К вечеру она совсем оправилась и занялась туалетом.

Начала с того, что осторожно подпудрила свои рабочие руки. Долго думала, что бы надеть. Остановилась на всем черном. Лицо ее было бледно, но она не хотела румянить щеки. В ее возрасте это выглядело бы вульгарно.

Пришла она, когда народ уже валил в аудиторию и села на свое обычное место в последнем ряду.

При входе она получила новую программу и одобри-

тельно улыбулась, что студенты сами так хорошо напечатали.

Обстановка вечера была особая. Вдоль эстрады был установлен длинный ряд незажженных свечей; среди них, в центре, одна большая свеча. Когда пробило восемь, свет в зале погас. Воцарились тьма и тишина. Откуда то из глубины раздался голос, говоривший о значении науки, пока зажигали первую свечу, свечу просвещения. Медленной поступью стали выходить студенты и девушки в белых длинных платьях. Каждый с зажженной свечей. По мере провозглашения очередного имени, возжигались свечи каждому, таким образом почитаемому человеку. В промежутках раздавалась музыка, трогательная и торжественная.

Затем произошла какая то заминка. Послышались звуки рояля, непонятно знакомые. Оба прожектора усиливали замешательство: они слепили, останавливаясь и лица кого-то. Наконец, ударили прямо в глаза иностранке, как раз в ту секунду, когда она с поразительной ясностью вспомнила, что это за музыка. Это было произведение ее мужа. Кто мог его знать? И вообще... что же происходит? Прожекторы остановились, освещая ее лицо.

Она оглянулась. Несомненно это ошибка. Очевидно около нее сидит какая то знаменитая особа. Но глава университета отчетливо назвал ее имя. Поверила или не поверила, но встала и слушала слова, звучащие из темноты, и как цветами украшавшие ее имя. Теперь она видела, как одна из девушек зажигала свечу в ее честь. Впрочем, она плохо видела, так как вся превратилась в слух.

Когда огни ускользнули, она почувствовала, что жар бросился ей в лицо. От счастья и от смущенья.

И только когда вспыхнул свет, и прозвучали заключительные аккорды, она взглянула на программу. Там стояли названия музыкальных номеров в исполнении композитора, имя которого было обозначено звездочками. Значит это его тонкая, исхудалая фигура за роялем, это его руки мелькают

Новоселье

по клавишам, его полуседая, волнистая шевелюра встряхивается в такт музыке. Значит весь этот маскарад не сон, а правда. И сам глава университета искал ее, а заметивши, стал звать к эстраде. И она увидела, узнала... Он отгорожен был людьми, пожимавшими ему руку. Чей то голос сказал ей:

— Я хочу вас познакомить с замечательным человеком. Это наш новый профессор по классу композиции...

Наконец, они приблизились друг к другу. Она не могла ни на кого смотреть, а он нежно и сконфуженно трепал ее по плечу, гладил по влажной щеке, не зная как благодарить за то счастье, которое она одна добыла для них обоих. Счастье, которое было вписано в официальную историю этого университета.

Счастливым, американский конец этой истории, действительно внесен в анналы просветительного учреждения. Он, правда, смахивает на конец фильма или романа. Но в жизни романы бывают не менее эффектны, потому что подлинная жизнь выдумщица и затейница неподражаемая.

Конечно, читатели мои понимают, почему я не назвал настоящее имя моей героини. Я думаю, что это ясно для всех. Имя ее: Русская Женщина. И я не впервые пытаюсь выразить мое восхищение и преклонение перед ней.

Русская Женщина! Как радостно подносить тебе тобою же взлелеянные розы — плоды твоих скорбей и твоей все-созидающей любви.

С. ДУБНОВА

СОВРЕМЕННОМУ

Как тяжелы вы, мести вериги,
Звенья из стали...
Иную правду сердцу вещали
Мудрые книги.

Но что ж нам делать, ошеломленным,
И можно ль вынести,
Что глухо бьются в холодной глине
Детские стоны?

Панцырем грудь облеки суровым,
Сердцем не дрогни,
Когда под ливнем хрустнут свинцовым
Древние стогны.

Глухо вопят из земного чрева
Крови потоки:
В жестоком мире живет без гнева
Только жестокий...

КИРА СЛАВИНА

ДЕНЬ ПОМИНОВЕНЬЯ

Идут... вместо ног — деревяшки.
Идут... в волосах — седина.
Друг другу кивают фуражки —
«Здорово, браток, старина!»

Трясутся обрубки, — не руки,
В их черных, пустых рукавах.
А кто-то про жгучие муки
В пустых повторяет словах.

Но снова, как водится, страны
В сражение отправят солдат.
Другие пойдут ветераны
На новый военный парад.

И будут мириться державы,
И снова к войне призывать
За землю, за право, за славу
Опять, и опять, и опять...

КИРА СЛАВИНА

В ТИПОГРАФИИ

Там, где, бледнея, гаснут лица,
Где оглушает шум машин,
Уму не долго притупиться,
Он сам себе — не господин.

Работа — пустяки, не это.
Тебя смущает, вовсе нет!
В конверт коричневого цвета
Ты должен вкладывать портрет, —

Чужой портрет, письмо чужое,
Письмо-ли то? — рекламный лист!
В ушах звенит от злого воя,
Зловещ и резок вечный свист.

В глазах рябит от утомленья,
Повсюду — ряд согбленных спин
И машинальные движенья,
И человеческий рев машин...

ГАЛИНА ИЗДЕБСКАЯ

МАТЬ

— Да это же настоящая весна! — с восхищением сказал художник, когда 15-летняя Стефа Гаевская, не подозревая присутствия гостей, со смехом вбежала в комнату. Она обеими руками держала слишком большой букет полевых цветов — и юная, запыхавшаяся от бега, блистающая зубами, глазами, улыбкой, она действительно казалась весной, на мгновение посетившей землю.

— Вы мне разрешите написать ваш портрет, — прибавил он. — Вот именно так: с цветами, выскальзывающими из громадного букета, цепляющимися за платье, летящими к ногам.

— Ты моя золотая весна! — говорила Стефе в тот же вечер ее мать. Девушка сидела рядом с ней и что то шила, наклонив голову. — Ты знаешь, матерям всегда хочется, чтобы их дети обладали всем, что им самим не было дано. Вот ты умеешь шить, а я — стыдно сказать — никак ведь не могла научиться этому; ты красавица, а я и в молодости красивой не была, с такой грустью смотрела всегда на хорошеньких подруг. Все готова была отдать, лишь бы и про меня ктонибудь сказал: «Какая она красивая»!

— Надеюсь ты узнаешь и настоящее счастье, которого у меня никогда не было. Я пережила мировую войну, голод лишения. Твоего отца я любила несравненно больше, чем он меня, много страдала из-за него, потеряла его слишком рано... Так хочется верить, что и в этом смысле твоя жизнь сложится иначе.

Был август 1939 года.

Лето в Польше выдалось такое чудесное, будто хотело поразить всех. Мать удивлялась: не в первый же раз видит

она облака, плывущие по небу, и невыразимое очарование деревьев, когда ветер медленно гнет и расправляет их ветки.

Художник написал за несколько сеансов портрет Стефы, который пользовался на выставке большим успехом; куплен он впрочем не был, и художник преподнес его обрадованной матери. Она могла часами смотреть на свою дочь, ощущая сладкую печаль перед границами совершенства.

К концу августа Гаевские вернулись в город. И вскоре то, во что казалось нельзя было поверить, что бывает только в книгах — стало непосредственной действительностью: война.

Как в те страшные дни смерть сделалась законом, как восторжествовало насилие, и люди сходили с ума от горя и издевательств, — обо всем этом будут когданибудь писать тома.

Мать простудилась в нетопленной квартире и слегла. Однажды, не имея силы двинуться или пошевелить языком, она услышала:

— У нее температура 41. Видно кончается...

Тогда безумная сила материнской любви победила смерть: чтобы не оставлять дочь одну в жестоком мире — уж не для того, чтобы наслаждаться ее счастьем, — мать неожиданно для всех начала поправляться. Но она все больше удивлялась отсутствию Стефы. Ответ соседки («поехала к своему крестному») не удовлетворял ее. Лишь когда она окончательно оправилась, сердобольная соседка со всевозможными предосторожностями и не глядя на нее, сообщила, что про Стефу ничего неизвестно: с тех пор, как город находится во власти неприятеля, девушки сплошь и рядом бесследно исчезают.

Мать не умерла от горя. Она осталась жить в той же квартирке, настез открытой для дьявольских вестей, приходящих со всех концов света: Дания, Норвегия, потом Бельгия, Голландия и Франция, Югославия и Греция... Ах, если б наступил невероятный день, и враги узнали б, в свою очередь,

Новоселье

что такое исчезновение близких и агония тщетного ожидания!

Платье, ботинки, тетради безжалостно говорили об отсутствующей. В забытом ящике так и лежала безголовая кукла, которую девочке всегда как то жалко было выбросить... Замирая от ужаса, мать думала об исключительной впечатлительности Стефы. «Как она жалела каждого нищего, — пожалеет ли ее сейчас ктонибудь?»

Она всеми силами отгоняла от себя слышанные на улице слова: «...их бьют, насилуют и отправляют в публичные дома»... Но эти слова жили в ней беспрестанно, и ей хотелось выть, кусаться, умереть на месте.

Кивая головой, она подолгу стояла перед портретом, на котором смеялась Стефа, юная, похожая на цветок, на то счастье, о котором мать когда то мечтала для нее.

Теперь для матери не было ни минуты забвенья. Даже сон приходил к ней, как враг. Она просыпалась с криком, но самый ужасный из ее кошмаров был ничем по сравнению с действительностью.

Перед соседним домом часто сидела слепая со следами оспы на некрасивом лице. Все перепуталось: добро и зло, удача и невезение. Оспа, отнимавшая у девушки зрение и возможность нравиться, спасало ее от жизни во стократ горше, чем смерть.

Когда Гаевская в молодости страдала от постоянных увлечений мужа, особенно страшным ей представлялось, что мука эта — лишь капля в пучине всеобщего равнодушия. Но теперь было еще страшнее. В городе полном ужаса не осталось ни одного дома, где крик ее отчаяния не вызвал бы эха. Когда по ночам она, кусая подушку, рыдала до невыносимой головной боли, до полного истощения, где то за стеной раздавался, в равных промежутках, крик безумного старика:

— О, сладкий Иисусе, милосердие!

И, казалось, вся страна, весь мир сходил с ума от нена-

висти и отчаяния и повторял без надежды жалкий крик полумертвого старика:

— О, сладкий Иисусе, милосердие!

Но чудо, в которое мать тайком от самой себя не переставала верить, совершилось: Стефа вернулась домой. Приоткрыв дверь, мать не сразу узнала эту прибитую, измученную женщину: возраст, черты, фигура — все стало другим. Мало по малу безграничность счастья дошла до сознания матери; она прошептала:

— Это ты.

Дочь посмотрела на нее каменными глазами и прежде чем переступить порог, сказала жестко:

— Меня отослали обратно. Я беременна.

Страдания матери не прекратились. С мукой и нежностью глядела она в осунувшееся лицо дочери, не смея ни спрашивать, ни отпускать Стефу одну. Как то раз, выглянув в окно, она увидела уличных мальчишек, преследующих Стефу, бросающих в нее камни и тяжелые как камни, циничные слова. Глаза выбежавшей немедленно матери были такими угрожающими, что мальчишки вмиг разбежались. Она ввела в комнату бледную, прихрамывающую дочь и усадила ее в кресло. Потом стала перед ней на колени и сложив руки, с плачем, будто вырывая кровавые куски сердца, стала просить прощения за то, что дала ей жизнь.

Но Стефа ничего не ответила, лицо ее сохраняло застывшее выражение. И мать, затаив дыхание, подумала:

— Что они с ней сделали!

Стефа никогда теперь не смеялась; казалось, она была в мире, которого никто из присутствующих не знал. Один только раз мать услышала, как она, повернувшись к стене, повторяет незнакомым, страстным голосом:

Новоселье

— За каждый плевок я отвечу плевком в лицо их щенка, за мой позор, за все их побои, муки, унижения...

Роды были очень тяжелые. Днем и ночью мать ухаживала за лежащей в беспамятстве Стефой.

Но опасность миновала. В первый раз мать вошла в комнату обычными своими шагами и сразу же остановилась, услышав громкий плач.

Помолодевшая, снова похожая на свой портрет, Стефа отчаянно рыдала. Она заставила встревоженную мать присесть к ней на постель, обняла ее за шею и обливая обильными слезами, стала жаловаться: она не может ненавидеть своего ребенка...

А. ГРЕЧАНИНОВ

АКАДЕМИЯ НЕУГОМОННЫХ

Самые голодные годы в Москве были 1919-21. Бог знает, чем и как все мы тогда питались. Особенно плохо было зимой. Люди доходили до полного изнеможения и чтобы не умереть, хлопотали о помещении их в санатории, которых множество пооткрывалось тогда и в самой Москве, и в ее окрестностях. У санаториях, больницах и детских домах советское правительство заботилось в первую голову. Врачам, их обслуживающим, жилось неплохо.

У меня был большой приятель и друг, доктор Х. Он нас иногда прямо спасал, и не только нас, своих друзей, но часто и совсем чужих ему людей. Доктор часто бывал у нас, и никогда не приходил с пустыми руками, то постного масла, то немного муки или крупы принесет, а иногда и леденцы.

Однажды жена моя Мария Григорьевна говорит доктору: — У нас так много друзей, которые буквально голодают. Не смогли ли бы вы, доктор, не часто, ну, хоть раз в два месяца собирать нас всех у себя и подкармливать?

Сказано, сделано. Назначен был вечер. Собрались: Вячеслав Иванов, Бальмонт, артисты Художественного и Малого Театров Москвин и Лебедев, пианист Орлов, художник Ульянов, певица Эль-Тур и я с женой.

Первое, что бросилось нам в глаза, это графин с водкой, селедка, сливочное масло, белый хлеб и кулебяка, все это расставленное на столе, покрытом белой скатертью. Мы уже давно отвыкли от всего этого, и один вид празднично выглаженного стола привел нас в веселое расположение духа.

Лебедев и Москвин потешали нас своими комическими рассказами, а Эль Тур с большим талантом изображала швейцарскую народную певичку, подражая «иодельн». Особенный успех, при ее довольно полной комплекции и небольшом росте, имел нарочито неуклюжий танец с руками на боках.

Перед тем как разойтись, назначили следующий вечер. Нашим собраниям было дано название «Академии Неугомон-

ка. Наступило время, когда за деньги можно было уже все раздобыть. Тогда наши вечера прекратили свое существование. К тому же кое кто уехал, кое кто переселился в другие российские веси.

Дружеская семья наша поредела, но воспоминания об этих собраниях, полных бесшабашного веселья и остроумия, навсегда остались у всех нас.

Ю. САЗОНОВА

ТЕАТР СОРОКОВЫХ ГОДОВ

Сто лет назад в С. Петербурге было только три театра — Большой, Александринский и Новый у Симеоновского моста — все три Императорские, других не полагалось. Был еще загородный Каменноостровский, для двора и гвардии.

Когда в 1832 г., по планам Карло Росси, был закончен Александринский театр, то стоявший перед ним Малый был разрушен. От Александринского театра до Чернышева моста построили дома для Театрального училища и для администрации: намечены были и квартиры артистам, но их захватили чиновники.

По первоначальному плану предполагалось создать подобие парижского Пале-Рояля; с двух сторон арки, а в глубине магазины и кофейни. Но Николай Первый счел неудобным соседство школы с кофейнями, и арки по его желанию были заделаны. Театральная улица, построенная в том же стиле что Александринский театр, составляет вместе с ним один из лучших ансамблей Петербурга.

До 1836 г. балет и опера давались в Александринском театре. После спектакля офицеры, гремя палашами, спешили к театральному под'езду провожать кареты артисток. В ту пору Александринский театр посещала самая блестящая публика. Но в 1836 г. труппы разделились — балет и опера перешли в Большой театр, позднее переделанный для Консерватории, а с ними ушла и самая элегантная публика.

Первый сезон открылся в Большом театре только что написанной, по либретто Розена, оперою Глинки «Жизнь за царя». Заведывавший театром А. И. Храповицкий пометил в своем дневнике в день премьеры: «Вздор и галиматья. Глинка от русского отстал, а к иностранному не пристал, и вышла чепуха». «Жизнью за царя» неизменно открывался оперный сезон Императорских театров.

В театральном училище преподавали не только балет, но и драму. Левкеева, впоследствии бывшая комической стару-

хой, в юности отличалась в водевилях, танцуя польку и качучу. Первый исполнитель Хлестакова, Дор, был учеником Дидло и в «Фениксе» кн. Шаховского танцевал классическое па-де-де. Многие драматические артисты начинали свою карьеру в балете. Знаменитая трагическая артистка М. Н. Ермолова готовилась в балет и позднее была переведена в драму. В «Горе от ума», впервые шедшем на сцене Большого театра в 1831 г., бал ставился под оркестр с большою пышностью: Щепкин-Фамусов вел в первой паре полонез; Скалозуб, тряся эполетами, отличался в мазурке, которая считалась неотъемлемою частью роли, и все исполнители главных ролей принимали участие в танцах.

Выступая в водевилях, артистки пели с настоящим искусством. Преподавателем пения в Театральном училище был Рубини в расцвете славы, который с гордостью носил русский мундир. В Петербурге с 1843 г. была постоянная Итальянская опера с большими артистами, как, например, Рубини, Тамбурини и Виардо. Рубини вызывал такие восторги, что после его исполнения в «Сомнамбуле», Виардо, во время вызовов, стала перед ним на колени и при публике поцеловала ему руку.

В Новом театре у Симеоновского моста была сцена и арена, на которой выступала, под дирекцией Лежора, труппа вольтижеров, принятых на Императорскую сцену. В группу допускались и воспитанники Театрального училища; среди них особенно отличались замечательные наездницы — Федорова, будущая драматическая артистка, и Натарова, которая дважды ломала себе ногу и все же не хотела бросать арены, пока не была распущена вся труппа вольтижеров. Театр был переделан тогда для спектаклей русской оперы, немецкой драмы и молодой русской драматической труппы, отделившейся от главной: театр был назван Мариинским. Несколько позже, в 1850 г. был основан Красносельский театр, для летних спектаклей в Красном селе во время лагерных сборов.

Когда в 1836 г. балет переехал в Большой театр, туда поочередно приглашались три лучшие балерины той эпохи. В 1837 г. в Петербург приехала Мария Тальони, на которую, по словам Теофиля Готье, «русские принцы пролили такой дождь драгоценностей, что ей стало трудно порхать с преж-

Новоселье

ней легкостью». Ее отец, балетмейстер Филипп Тальони, ставил для нее балеты, в которых она могла проявить свою невесомость: в балете «Тень» она являлась неземным видением и скользила на пуантах, которые тогда были еще совершенной новостью. Тальони царила в балете и оставила по себе глубокий след: сохранившиеся в Петербурге ее партитуры и записи танцев до сих пор разбираются и изучаются. Через пять лет после ее приезда, в 1842 г. Фанни Эльслер, вернувшись из Америки, где «чаровала дикарей и яжи», привезла в Петербург только что поставленную в Париже «Жизель», а тогдашний петербургский балетмейстер, Жюль Перро, поставил для нее «Катарину». Николай Первый, приехав на репетицию, заметил, что маркитантки неправильно обращаются с ружьем. Он вышел на сцену, поставил возле себя Фанни Эльслер и просил ее повторять его движения: вслед за нею правильным ружейным приемам были обучены и остальные участницы. Весть, что Николай Первый ставил танцы маркитанток, разнеслась по городу и на премьере сцена имела особенно шумный успех. Фанни Эльслер после трех лет на петербургской сцене была переведена в Москву, а на смену ей приехала Карлотта Гризи. Наряду с заграничными балеринами, выступали первоклассные русские танцовщицы и танцовщики. Главными балетмейстерами в течение всего девятнадцатого века были в Петербурге французы — Дидло, Перро, Сен Леон, Мариус Петипа, приехавший в сороковых годах и оставшийся в России на всю жизнь. Даже такие блистательные артисты, как Лев Иванов, получали лишь отдельные постановки, но не назначались руководителями балета, главными балетмейстерами.

После перевода балета в Большой театр, блестящая публичка являлась в Александринский лишь на бенефисы любимых артистов: тогда бывал и царь, и двор. В обычные же дни преобладали «бородки» — купцы, торговцы, сидельцы лавок, которые приходили в белых перчатках и с завитыми волосами. В партере по рангам сидело чиновничество, о котором писали:

Его любимый идеал
Был Александр Марлинский,
Но он всему предпочитал
Театр Александринский.

Там пищу он давал уму,
Отхлопывал ладони
И были по сердцу ему
И Кукольник, и Кони.

Купчихи являлись в цветных больших шалях, в чепцах.

И по ложам сидят все купцы с бородой,
В креслах щелкают громко орехи...

В «Художественном листке» Тимма сохранилось много рисунков тогдашней публики Александринского театра с ее характерными типами и костюмами. Освещались театры самым лучшим маслом, которое поставлял по контракту подрядчик, а царская ложа и прилегающие комнаты — лучшим лампадным маслом. Только во второй половине прошлого века театры стали освещаться газом.

В ложи набивалось до десяти человек: смеялись, шушукались, шумели. В ложах третьего яруса иногда бывала дюжина краснощеких разряженных молодых женщин, переглядывавшихся с молодежью партера. В райке головы торчали, как капустные кочни. «Воротник сторожа, борода каменщика, красный нос дворового человека, небритый подбородок под'ячего», синие поддевки, нагольные тулупы и валенные сапоги, мастеровые и солдаты, кухарки, и тут же магазинная девушка в ситцевом нарядном платье и мальчишка из лавки, тщетно пытающийся просунуться вперед, чтобы хоть что-нибудь увидеть. Все полу-дремлют, пока идет «разговор», но вот проносится шопот «игра» — и все наваливаются друг на друга, перегибаясь вперед. Иной раз спяну кто-нибудь закричит — «караул, режут, пожар», и поднимется паника, впрочем недолгая. Тут же разносят кислые щи и зритель заткнув пальцем горлышко недопитой бутылки, дослушивает тирады Кукольника или Полевого. Иной раз разгоряченный зритель пустит в актера медным пятакom, как это было с еле успевшим вернуться Мартыновым. Даже в балете, Андрианов раз бросил с галерки дохлую крысу и балерину замертво унесли со сцены. Отношение к спектаклю было пламенное и доверчивое. Пожарный кинулся тушить пожар в «Разбойниках» Шиллера, приняв дело всерьез. Сидельцы были

Новоселье

охотники до скрежета зубов и ужасов. Гоголь писал: «Главное в мелодрамах — оглушить вдруг чем-нибудь зрителей, хотя на одно мгновение, — что сильнее бросается в глаза: ка-торга, убийство. Ими можно испугать и произвести судороги. Вся мелодрама состоит из убийств и преступлений».

Бурю восторгов вызывали патриотические стихи, как в комедии Писарева «Хлопотун»:

Врага мы зрели своего,
Пред ним Европа трепетала,
Он всех сразил; вдруг на него
Россия гибелью восстала,
Пред нею гордый враг упал,
Европе нечего страшиться,
И русский свету доказал,
Что дело мастера боится.

Гролом, треском, топотом каблуков отвечали стихам в «Скопине-Шуйском»:

Пей под ножом Прокопья Ляпунова,

Или угрозе разбойника:

На бритвах стлать постель я буду,
Струнами ребра перевью.

Умилялись, когда Филатка, надвинув шапку и подперев щеку ладонью, запевал:

Ах не белы снеги
Во чистом поле забелелися...

Молодые офицеры иной раз заезжали в Александринский театр выпить в буфете, устроить овацию актеру, или побужнить.

Перед занавесом об'явление о следующем спектакле делали молодые актеры, во фраке с белым галстуком: Режиссер играл чисто служебную роль для сношений с начальством,

устройства сцены, раздачи ролей и проверки их на считке. В провинции пьесу ставил антрепренер и если не умел, то поручал кому либо из актеров. В толкование пьесы и в игру актеров режиссер не вмешивался. Статистами были солдаты гвардейских полков. На провинциальных сценах до последнего времени сохранялся старый обычай нанимать статистами гарнизонных солдат, и это иной раз вызывало недоразумения. Так, артистка перед выходом спросила «статиста-солдата, заряжен ли для ее сцены револьвер; «как же-с, шестью пулями» — ответил с удовлетворением солдат, и не спроси она его случайно, она убила бы товарища наповал. Тарас Бульба, получив заряд воска в лицо от слишком усердно целившегося солдата-статиста, в ярости пошел на него за кулисы вместе с деревом, к которому был привязан.

С актерами репетировали не режиссеры, а авторы. Кн. Шаховской отдавался этому с большим темпераментом. Когда актриса плохо читала свою роль, он падал перед ней наземь, причитая в бешенстве: «за что наказуеши» и потом, вскочив на ноги, осypал бранью и упреками. Плохо игравшему актеру показывал из за кулис язык: «запишите его хоть в святцы, но на сцену, разбойника, не пускайте», бранился потом. Но перед Мочаловым всерьез падал на колени, восклицая: «Тальма тебе в слуги не годится».

Героические роли исполнялись Каратыгиным и Мочаловым. Каратыгин был актером перевоплощения. В его репертуаре не было двух схожих образов. Готовясь играть Людовика Одиннадцатого, свою коронную роль, он перечитал целую библиотеку мемуаров, стараясь угадать жест, интонацию, характер и темперамент короля. Гоголь писал, что «Каратыгин есть один из тех актеров, который вдруг и с первого раза влечет к себе, схватывает в охапку насильно и уносит с собой, так что вы не имеете даже времени очнуться и притти в себя». Белинский писал о Каратыгине в роли Велизария: «когда я увидел этого старца с седой бородой, в царственном скромном величии, священный восторг мощно охватил все существо мое и трепетно потряс его; — а между тем артист не сказал ни одного слова, не сделал ни одного движения, — он только сидел и молчал... Благородная простота, геройское величие, видны были в каждом шаге, слышны в каждом слове Каратыгина: несчастье в величии, ослепленный герой, который

Видит в памяти своей
Народы, веки и державы..»

В «Уголино» Николая Полевого, Каратыгин, игравший Нино, узнав об убийстве своей возлюбленной Вероники, — «шопотом, от которого волос становится дыбом, и который слышен во всех концах залы, спрашивает, — видал ли ты мертвых? — три раза на повышении, потом грохается без чувств на землю». Когда он приходит в себя, «зритель слышит как бы рыкание льва в пустыне»; вскочив, Нино раздражается проклятиями и жалобами. Каратыгин разрабатывал свою роль заранее до мелочей. Мочалов же был актером нутра, вдохновения и мог играть ту же роль один день бесподобно прекрасно, другой же раз совершенно неудачно. Он был «как лес дремучий», в котором все потаенно. Белинский писал о нем, как о волшебном явлении: «Бог мой, думаем мы, вот ходит по сцене человек, и мы испытываем на себе его влияние: как какой-нибудь чародей, он томит, мучит, восторгает по своей воле нашу душу, и наша душа бессильна противостоять его магнетическому влиянию». В Карле Moore шиллеровских «Разбойников», это «лава всеувлекающая, всепожирающая, это черная туча, раздражающаяся громом и молнией». Кн. Шаховской говорил о Мочалове: «это гений по инстинкту: ему надо выучить роль и сыграть: попал, так выйдет чудо, а не попал, так выйдет дрянь»; надо было, чтобы Мочалов «не старался играть, а старался только не думать, что на него смотрит публика». Голос Мочалова «способен выразить все оттенки человеческой страсти», и лицо его «полно страсти и одушевления».

В своей статье Белинский противопоставлял его игру «красивой декламации» школы Тальма, где «каждое движение изучено перед зеркалом». Каратыгин, приняв это на свой счет, обиделся и встретившись с Белинским на обеде по случаю открытия журнала «Пантеон», стал говорить о своем долголетнем служении искусству и о том, что «не ему, Каратыгину, учиться еще у едва школьную скамью оставивших и далеко незрелых критиков». Белинский стал горячиться, вмешался Булгарин, тоже начавший говорить о «глупых журналах» и о «с ума свихнувшихся пророках искусства». Все трое начали кричать и Кони, Кукольник, Розен тщетно пытались

их успокоить. Между критиками и актерами недоразумения всегда бывали:

Публицистов все ругают,
В желтый дом их посадить,
Пусть друг дружку разбирают
И умней не может быть.

пели в водевиле. В «Льве Гурыче Синичкине» сочинитель жалуются:

«Сверх того еще артисты
Роли выучат кой-как,
И в добавок журналисты
Скажут автору: дурак!

Каратыгин и Мочалов играли трагедии и мелодрамы. Семья Самойловых отличалась в операх и водевилях. Василий Васильевич Самойлов в водевилях с переодеванием менял грим и акцент, являясь то армянином, то греком, то чухонцем, и создавая полную иллюзию: в роли француза в «Гувернере» Дьяченко он был лучше Гитри и Петипа. Такой же способностью обладал Дюр, преобразаясь в одном и том же водевиле, то в итальянского певца, то в фигуранта, то в учителя декламации, и мастерски подражая Мочалову и Каратыгину. В свой бенефис даже трагическая артистка Семенова с оперною Верой Самойловой решила выступить в веселой роли и выбрала для того комедию Крылова — «Урок дочкам», но обе были пожилые и полные, и приехавший на спектакль Крылов сказал, что это был «Урок не дочкам, а бочкам».

Живокини одним движением глаз заставлял публику хохотать до слез. Он любил импровизировать, как потом любил это Варламов. Живокини останавливал оркестр, передразнивал контрабас; рассказывал про свою встречу на бульваре и обращался в партер с вопросами.

Асенкова славилась в ролях трагедии и в водевилях с пением. По портретам можно судить об ее необычайной красоте. Подойдя к рампе, она пела:

Как военные все страны —
Вот народ то пресмешной.

Новоселье

Так и бредят неустанно
Только службой фрунтовой.
И чтоб с ней не расставаться,
Все хотят нас приучить.
По команде в них влюбляться
И по форме их любить.

И ее забрасывали букетами из лож. Она играла, как все водевильные артистки, Офелию, которая считалась «ролью с пением». Асенкова вызывала слезы у зрителей, когда пела в сцене сумасшествия:

И в могилу опускали
Со слезами, со слезами.

Другую водевильную артисткой была Надежда Самойлова. В «Бедовой девушке» она изображала провинциалку, которая, вернувшись домой, рассказывала о виденном в столицах, всему подражала и танцевала под Фанни Эльслер. Подобный водевиль «В гостях и дома» был позднее у В. Н. Давыдова; он дал его в школе своему ученику и тот, обиженный, принес листок обратно: — «помилуйте, тут нечего играть, один листочек пустой». — Нечего играть? — загремел Давыдов, я три сезона собирал им полные залы. — В водевилях суть была конечно в исполнении, и теперь они кажутся увядшими листками. Вера Федоровна Коммиссаржевская воскресила один из асенковских водевилей «Воздушные замки» Хмельницкого, который был еще в репертуаре И. И. Сосницкого и передан им Каратыгину. А Варламов еще играл «Льва Гурыча Синичкина», с его куплетами о провинциальном театре:

Что за зданье, что за зала.
Как в ней зрители сидят.
Масло постное и сало
Все лицо вам закопят.

и об его актергах:

По пиесе он полковник,
По приемам брадобрей.

Закулисная княгиня,
Нарумяясь черезчур,
Как ворона, рот разиня,
Вдруг отшутит вам «бонжур».

Режиссер просит, чтобы «статисты не ходили по морю, яко по суху, и «чтобы ничего в волнах не видно было». Умоляет актера Чахоткина не кашлять, а хор не отставать, хотя и согнан он с площади по пятиалтынному за вечер. Слуга автора плачется:

Целых три дня по знакомым
Я билеты разносил,
Хоть на водку ни полушки
Ни с кого не получил.
Это даже и обидно
Так ходить без барыша,
Будто барская пиеса
Уж не стоит ни гроша...

Синичкин, которого играл Живокини, устраивает, не смотря на все козни премьерши, дебют своей дочери, чью роль исполняла знаменитая Репина:

Пускай какой-нибудь Тряпичкин
В статье кольнет ее словом:
Старик, Лев, Гурьев сын, Синичкин,
Гордится быть ее отцом.

Водевили иногда задевали начальство:

Общий вывод знатоков,
Что основа всех финансов
Есть развитие кабаков.

Или куплеты губернатора:

Допущу свободу мненья,
Но шпионов заведу,

Новоселье

А чуть резко рассуждают,
Тотчас снова на узду.

Иной раз выходили осложнения. В водевиле Каратыгина — «Булочная или петербургский немец» за куплеты Клейстера:

Сам частный пристав забирает
Здесь булки, хлеб и сухари.

— Пьесу запретили и конфисковали все ее печатные экземпляры. Дело в том, что частный пристав Васильевской части, где происходит действие, принял это на свой счет и оскорбился: он платил наличными, а вовсе не «забирал» сухари. Напрасно Каратыгин доказывал, что по книжке многие забирают и платят потом; — пристав пожаловался обер-полицеймейстеру, дело дошло до министра и спасло только вмешательство царя, которому водевиль понравился. Булочник, в Оренбурге даже закрыл лавку и уехал, оставив огорченных жителей без сухарей: его звали, как в водевиле, Иваном Ивановичем: у него тоже была дочь, и он был уверен, что водевильист имел в виду именно его.

Любимыми комиками были Максимов и Мартынов, оба пили и рано умерли от чахотки. Рассказывали, как Максимов «в откровенном настроении» встретился в кабачке с Брюловым, который, выпив, бывал молчалив и односложен. — Карл Павлович, ведь вы гений? — допытывался Максимов. — Да. — Карл Павлович, а я ведь дрянь? — Да. Рассказывали также, что вернувшись домой навеселе, он, боясь жены, тихонько разделся, помолился и уже потянулся за квасом, как жена заметила — «а ты бы шапку снял»: — оказалось, что он все проделал в меховой шапке.

Самый трогательный образ оставил Мартынов, всю жизнь бедствовавший, получавший ничтожное жалованье и маленькие разовые и пивший от безысходности. Своим дебютом он был обязан случаю. На масленной, когда царь приехал в театр со своими детьми, не могли разыскать по трактирам актера Воротникова, который должен был играть Филатку. Когда наконец его сыскали и доставили в театр, он был так пьян, что даже окачивания холодной водой, не могли его протрезвить. Мартынов, назначенный было к увольнению, выз-

вался играть и насмешил не только детей Николая Первого, но и его самого, редко смеявшегося. Воротников от окачиваний простудился и проболел всю масленую, и за него все время играл Мартынов, который имел большой успех. Он сразу занял положение, но дирекция все же не платила ему должного жалованья и хороших разовых, а бороться он не умел. Не умел и получать подарки с богатых купцов, которые иногда дарили актерам даже дачи. Чернышевский писал, что «Мартынов разрушил рампу с прямою и глубиною гениального художника». Подобно Щепкину, создавшему реализм в драме, Мартынов внес естественность и простоту в комедийные роли. Он показал весь свой талант позднее, в пьесах Островского.

Любили Мартынова страстно. Когда в пьесе «Дочь русского актера», Мартынов спел:

Дитя мое, мой час пробил,
Я думал, мне дадут прибавку,
И вдруг неожиданно получил
С печатью чистую отставку.
Но не забудутся во мне
Талант и гений исполинский
И после смерти обо мне
Вздохнет театр Александринский,

зрители как один человек вскочили и бросились к оркестру, стучали стульями, бросали букеты, кричали, и подняли такой шум, что стены театра чуть не дали трещины. Мартынов страдал кровохарканьем и умер на руках у Островского. «Горе, великое горе! Мартынова не стало. С ним я потерял все» — писал Островский. Во время болезни Мартынова, Островский писал ему о том, что «художественное чутье подсказало, где правда и вы горячо взялись за дело», доказав, что «наша потребность — в родном репертуаре». Когда из Харькова привезли гроб Мартынова, толпа запрудила улицы и остановила движение: хотя полиции не было, порядок поддерживался публикой. Начальство ворчало: «Скажите, пожалуйста, везут гроб актера, и нет проезда по Невскому».

Актеры, воспитанные на «Рука Всевышнего отечество

Новоселье

спасает» и «Скопин Шуйский», на Кукольнике и Полевом, о котором шутили:

Всем мил цветок оранжерейный,
И всем наскучил полевой...

первые распознали Гоголя, в то время, как Полевой писал, что Гоголя раздувают, публика шикала «Женитьбе», а критика кричала, что это пошлый и неправдоподобный фарс с нелепыми персонажами и недопустимыми выражениями вроде «свинья» или «подлец».

Актеры полюбили и поддержали Островского в его борьбе за русский репертуар. Все тогда заключалось в творчестве актера и оно было настолько великолепно, что вдохновляло литературу и создавало новые художественные формы. Но — «что после себя оставляет великий актер? Несколько журнальных статей, несколько мемуаров старинных театралов прошлого времени и только». Живая традиция игры передается от актера к актеру:

Его минутно вдохновенье,
Но вековечно торжество.
Ему — венки и поклоненье,
Бессмертье — имени его.

Мы еще застали Варламовых и Давыдовых, Стрельских и Жулевых, свидетелей далекой эпохи Самариных и Каратыгиных. И до нас долетели бледные отсветы тех времен, когда Асенкова пела:

Водевильная актриса
Не нуждается в ролях;
Не проходит бенефиса,
Чтоб не быть ей в хлопотах.
Все пустились в водевили,
А что пользы например,
Если вам не угодили
И не хлопает партер!

ХОВАРД ФАСТ

СЖИГАТЕЛИ КНИГ

Ховард Фаст, выдвигающийся в передовые ряды исторических романистов, родился в Нью Йорке в 1914 году, в юности бежал из дому и после ряда приключений и мытарств, с 1937 г. всецело посвятил себя литературе.

Его подход к истории — оригинальный и революционный. Ховард Фаст пытается изобразить то, что переживали не только герои истории, но и народные массы.

Особенной популярностью пользуется его книга «Гражданин Том Пэйн». Фаст также автор истории еврейского народа и биографии знаменитого патриота и друга Вашингтона, Хаима Соломона.

Недавно исполнилась десятая годовщина со дня сожжения книг в Германии. Казалось бы, сейчас, когда наши армии выстроились на рубеже Европы, готовясь нанести врагу последний сокрушительный удар, наше внимание должно быть сосредоточено на более важных вещах, чем этот дым от горящих фолиантов, поднявшийся над Германией после прихода Гитлера к власти.

И все таки сожжение книг не смеет быть забыто, ибо в длинном списке нацистских злодеяний это преступление будет стоять на видном месте. Зарево горевших книг было сигналом для возврата к варварству; пламя, поглотившее Гейне, Манна и Фрейда, охватило весь мир.

Книги, конечно, не были уничтожены. Сжигание книг никогда не давало желанных результатов, и не в нацистской Германии было оно придумано впервые. Когда римляне две тысячи лет тому назад разгромили Иерусалим, они в первую очередь сожгли книги, а после готы, в свою очередь, предали огню римские книги. Так это происходило в течение веков: тираны сознавали, что книги — их злейшие враги, но все же

их попытки уничтожить культуру, созданную человечеством, неизменно проваливались.

Нет, книги будут жить! И когда будет смыт весь грязный нанос фашизма, люди снова будут читать их и чтить.

У нас в Америке тоже существуют книгосжигатели. Ведь книги сжигаются и в буквальном, и в переносном смысле слова; сделать это можно и без участия банды нацистских хулиганов, бросающих в костер на площади сотни томов, захлебываясь при этом от удовольствия. Есть немало других коварных способов уничтожения книг. Книг Тома Пэйна не надо было сжигать: достаточно было объявить его атеистом и врагом рода человеческого, чтобы заклеить его труды на целое столетие.

Аутодафе на площадях привлекает к себе ненужное внимание, вызывает неприятные сравнения, но можно, посмеиваясь, пройти мимо запрета, наложенного на такую превосходную книгу, как «Странный плод» («**Strange Fruit**»). Можно всего только пожать плечами, узнав, что полиция, поощряющая организованный антисемитизм, внезапно узрела в этом романе, призывающем к улучшению расовых отношений, «угрозу общественной нравственности». В штате Оклахома приговаривали к тюремному заключению каждого, у кого обнаруживали труды Карла Маркса, а рабочих хлопковых плантаций на юге избивали до смерти за обладание брошюрами, в которых писалось о таких «антиамериканских» организациях, как рабочие союзы.

Кануло ли все это в вечность? Казалось бы, что ведя смертельную борьбу против фашизма, мы должны были бы относиться с некоторой брезгливостью к методам и приемам фашистов. Однако, вот что произошло совсем недавно, приблизительно год тому назад. Военное Информационное Бюро (**Domestic Branch O. W. I.**) выпустило брошюру под названием «Негры и война». Бог свидетель — у нас достаточно причин для угрызений совести в вопросе нашего отношения к неграм в эту войну. Не взирая на то, что это война против расовой ненависти, ханжества, расовой травли, что это война всех наций за свою национальную свободу, мы все еще делаем различие между белыми и неграми. Мы не позволяем им служить во многих частях армии, не допускаем их на многочисленные заводы, ощущающие столь острую нужду в рабо-

чих руках. Но все же было сделано немало улучшений, и об этих именно улучшениях сообщала брошюра Военного Информационного Бюро.

Негр, читая ее, преисполнялся гордости, окрылялся надеждой. Белый проникался более глубоким уважением к негритянскому народу. Книжка была хорошая, но ее сожгли точно так же, как сжигали книги в нацистской Германии.

Военное Информационное Бюро напечатало два миллиона экземпляров этой брошюры. Пятьсот тысяч были разосланы, когда конгрессмэн Джо Старнс из Алабамы, сотрудник Мартина Дайса, вдруг завопил, что это очередной трюк северных янки, новая уловка для того, чтобы совратить с пути истинного южную культуру, а заодно с культурой и женщин южных штатов. Полтора миллиона экземпляров брошюры гниют в правительственных складах. Джо Старнс вбил первый клин, который способствовал впоследствии разрушению всего областного агентства Военного Информационного Бюро.

Ликвидация этого областного отдела О. W. I. убила немало хорошо написанных вещей; уничтожила их с минимальной затратой средств, а кто осмелился бы обвинить реакционную клику конгрессмэнов в сжигании книг на кострах?!

С меньшей шумихой, менее эффектно, чем Геббельсовское аутодафе, но не с меньшими результатами.

Рассмотрим другой случай, который произошел с книжкой «Человеческие расы». Эту понятную и удобочитаемую книгу написали два нью-йоркских антрополога. В простых незамысловатых выражениях они объясняли в ней, почему ни одна существующая раса не является высшей, и почему все люди, несмотря на разницу цвета кожи, братья. В книжке нет ни опрометчивых, ни сумасбродных заявлений; ясно и просто, с точки зрения антропологии авторы объяснили часть тех человеческих прав, за которые сражаются и умирают наши солдаты. Военные власти решили, что солдатам следует ознакомиться с содержанием этой книги и заказали 55.000 у издателя, которым являлся «Комитет общественных Дел». Эти 55.000 экземпляров сейчас мирно почивают в одном из вашингтонских складов. Почему? Потому что конгрессмэн Эндрю Мэй из штата Кентукки решил, что книжка содержит коммунистическую пропаганду. Возможно, что конгрессмэн

Новоселье

Мэй считает и Библию коммунистической пропагандой и когданибудь доберется и до нее! Тот факт, что ни «Комитет Общественных Дел», ни авторы никакого отношения к коммунистической партии не имеют, на конгрессмэна Мэя не повлиял. Он и возглавляемая им комиссия вынудили Дом Представителей одобрить резолюцию о расследовании по поводу этой книги, и военные власти поспешно отказались от ее распространения.

Этот случай — еще одно доказательство того, что может быть достигнуто без костров на площадях. В конце концов, зрелище ухмыляющихся болванов, пляшущих вокруг огня и бросающих в него многочисленные томы, в наши дни только смешно. Есть немало других возможностей. Расследование о преподавательском составе городских колледжей, произведенное комиссией Рэпп-Кудерт, принесло такие же эффективные результаты, и не понадобилось даже спичкой чиркнуть для этого.

Техника сжигания книг создавалась веками, и я наотрез отказываюсь приписывать всю честь ее усовершенствования одним фашистам.

В течение двадцати лет из Советского Союза сюда прибывали книги; многие из них были написаны добросовестными и честными обозревателями. Если бы мы прислушивались к ним, если бы верили Советской России с самого начала, десять миллионов погибших могли бы остаться в живых. Но книги эти были сожжены — и как сожжены! Критики загоняли их в могилу своими насмешками, ученые утверждали, что только идиоты могут верить русским; люди вроде Линдберга вопили, что все эти книги — сплошной обман. А разве не то же самое происходило в Испании? Или во Франции, ставшей жертвой фашистского предательства?

Один из лучших способов сжигания книг следующий: нанимают профессионального лжеца, умеющего владеть пером, и предписывают ему «взять в оборот» все мало мальски смахивающее на правду. Любой адвокат вам скажет, что для того, чтобы выиграть сложное и трудное дело, лучше всего избавиться от свидетелей противной стороны. Это старый, испытанный прием.

Убивая человека, вы уничтожаете все, что живет в его мозгу. Убивая свидетеля, вы убиваете свидетельские показа-

ния. Но века тому назад человек научился передавать свои сокровенные мысли неодушевленным предметам: осколку камня, куску кожи, листу пергамента, египетскому папирусу. Научился воспроизводить письмена звуки и, наконец, из знаков создавать слова, а словами передавать воспоминания, идеи, надежды, сновидения. Именно поэтому человек стал лучше дикаря, ибо он сумел ознакомить своих детей и внуков с совершенными им ошибками, с уроками и опытом собственной жизни. Благодаря этой способности, он стал очевидцем и свидетелем, которого не так уж легко убрать, — бессмертным свидетелем.

Тираны могли убивать людей, знавших об их преступлениях, но книг, упрятанных, или рассеянных по всему земному шару, ни один тиран убить не мог... Уничтожались целые цивилизации, но книги выживали, и новые люди приходили на смену старым, продолжая дело, начатое предшественниками.

Святость книг в их нерушимости — в этом еще до Гитлера убедились многие тираны. Невозможно уничтожить прошлое, не уничтожив всех книг прошлого, и нельзя заглушить правды, пока живут ее немые свидетели — книги. Адольф Гитлер не первый испробовал свои силы на этом поприще. Здесь, в нашей стране, меньше века тому назад, не один рабовладелец карал смертью раба, у которого находил даже такую книгу, как Священное Писание. И все же раб ухитрялся приобретать книги и укрывать их под земляным полом своей хижины. Рабы вырывали страницы из этих книг и распространяли их среди окружающих.

Рабовладельцы были по своему правы: одна из этих сокровенных книг называлась «Хижина дяди Тома»; от искр ее вспыхнуло пламя сильнее и ярче костров, зажженных Адольфом Гитлером на площадях Германии.

И сам Адольф Гитлер тоже был по своему прав в своей жалкой и больной логике: книги, которых он не успел сжечь, раздули великое пламя, вздымающееся над Берлином.

ИРИНА КУНИНА

В ЧЕСТЬ ВОЗРОДИВШЕГОСЯ ВАРВАРА

Речь, произнесенная на митинге, организованном Филадельфийской Школой Социальных Наук, 13 мая 1944 г.

Признаюсь, что получив приглашение выступить сегодня в этом зале, я недоумевала: что можно сказать о сожжении книг в Германии, в стране, совершившей преступления, превзошедшие гнусные аутодафе весны 1933 года? Разве огонь и железо гитлеровской машины смерти не уничтожили целые города, музеи, книгохранилища Европы? Как можно негодовать только против одной из подробностей фашистского культурного вандализма?

Но когда я начала обдумывать свою речь, избыток слов и мыслей обуяло меня, угрожая увести далеко за пределы данного мне времени.

Вспомнилась февральская ночь 1933 года. Я находилась в поезде, увозившем меня из Югославии в Германию. Спальный вагон. Большинство пассажиров заперлось в своих купе. Я стояла одна в коридоре, глядя в темноту за окном, когда ко мне подошел подвижной, малорослый итальянский проводник и сказал с нескрываемым волнением: «Рейхстаг горит!»

Эта маленькая сценка запечатлелась бы у меня в памяти, как символ гитлеровского восхождения к власти, если бы я не была свидетелем его начала еще раньше: летом 1932 года. Я провела то лето в Баварии, где ежедневно наблюдала стычки между организованной, уже обнаглевшей гитлеровской молодежью и рабочими и студентами Баварии, всеми силами противившимися установлению Нового Порядка. Меня уверяли: «Сущие пустяки! Невинные ребяческие драки!» Но человеческая кровь проливалась ежедневно, шла жестокая подлинная борьба.

Мой поезд продолжал путь в ночь — мимо крестьянских изб с запоздалыми редкими огнями в крошечных окнах — мимо простой, мирной, ничем не взволнованной жизни. Ника-

ких перемен вокруг, а Рейхстаг горел, и этот пожар менял лицо Европы, мира.

Позади меня осталась Югославия, где диктаторский режим короля Александра проявлял неистовое бессилие, или бессильную неистовость, преследуя возвышенную цель: уничтожение каждого зародыша живой свободной мысли. Никогда, за всю недолговечную историю Югославии, любовь к свободе в этой стране не была более мужественной и смелой, чем в годы королевской диктатуры. Либеральные книжки достигали неслыханных тиражей, левые периодические издания раскупались нарасхват; их было сравнительно много, но чуть не ежемесячно возникали новые.

Если полиция налагала запрет на какую-нибудь книгу, через несколько дней тираж этой книги увеличивался втрое. Типографы работали ночи напролет, пряча отпечатанные листы в своих квартирах, в подвалах, или на чердаках. Писатели, студенты, врачи, даже школьные ребята, брались за распространение книг, преследуемых полицией.

Наложить запрет на книгу нетрудно. На истину запрета не наложишь. Истина была единственной вещью, которой король Александр, со всей его армией жандармов, со всеми его цензорами, лагерями и тюрьмами, не мог у нас отнять. Ему удалось в те годы подготовить крах политической идеи, которая называется Югославией, но свободного духа народов этой страны он не сумел сломить.

Загнанный в подполье, этот боевой дух выковался в политической борьбе, чтобы воспрянуть в должный час и вдохновить борцов Народной Армии Освобождения, сражающихся под командой Маршала Тито, за родную землю, за свободу, на которую имеет право каждый любящий ее человек.

Югославия осталась позади поезда, увозившего меня в Германию. Позади в пространстве. Во времени далеко позади была Россия, моя родина. Старая Россия. Там существовали такие силы, загнанные в подполье; они ковались под ударами штыков, прикладов и полицейских нагаек. Ребенком, помню, я слышала в разговорах взрослых упоминание о том, сколько хитроумия и находчивости требовалось от русских журналистов, чтобы умудриться обойти цензора — написать истину между строк. Изгнанная со столбцов газет, преследуемая красным цензорским карандашом, она все же пробивалась наружу. Вся сила истины в ее неуязвимости.

Новоселье

Впереди, в пространстве, лежала Германия, сжигающая свой последний символ демократии — Рейхстаг. Впереди, во времени, толпились затравленные жертвы Нового Порядка, которым предстояло метаться по всей Европе и тщетно стучаться во все двери. Они шли навстречу моему поезду из беспросветного мрака германской реакции в темноту югославской. А в Югославии уже готовили лагеря для них, по приказу словенского ксендза-министра Корошца, и фашистские законы, по приказу разных Стоядиновичей. А будущие Павеличи и Недичи проходили уже курс наук в Муссолини-Гитлеровских политических университетах. В темноте, за спинами миллионов человеческих жертв шли коммуны-страны: Китай, Испания, Чехия. Шла вторая мировая война.

Но пламя Рейхстага в ту февральскую ночь скрывало все это от глаз. Зато десятое мая 1933 года было уже различимо простым глазом. Фестиваль безумия с дикими фейерверками; книги, сгоравшие на кострах; зарево в небе и на лицах, искаженных гримасами массового сумасшествия. Бессмысленные обещания, вырывающиеся из труб громкоговорителей. А площади были светлы, как днем — так хороша была иллюминация в честь возродившегося варвара. Это был триумф поработителей свободы, торжество невежества над мыслью.

Бросить книгу в огонь нетрудно. Но нелегкая задача объяснить даже германскому школьнику, что Гейневская «Лорелея», изгнание которой из учебников оказалось невозможным, — произведение неизвестного автора.

Огонь поглощает книги, но ни содержания их, ни авторов он сжечь не может. Зато заодно с книгами он сжигает совесть нации, разложившей костер. Больше того — совесть века, вашу совесть и мою. Потому что, я верю, был момент, когда мы могли предотвратить Гитлера. Остановить его было невозможно.

Совесть века не пустой звук. Она существовала. Она поднялась когда то на защиту Дрейфуса во Франции и Бейлиса в России. И многих других невинных жертв. Но в наши дни она не обладала мужеством, необходимым для того, чтобы встать и крикнуть: «Я обвиняю!»

Дикие, не поддающиеся разуму, злодеяния совершались ежедневно. И наступил день, когда целый континент временно прекратил свое духовное существование. Когда живые боро-

лись за непривлекательное пребывание в живых — на духовном кладбище Европы, среди дорогих могил и памятников былого величия. Незадолго до этого швейцарец-доктор сказал мне:

«О какой свободе можно еще говорить, когда тень от огромной свастики покрыла тысячемильные пространства и уже подбирается к Швейцарии. Не сегодня, завтра она набегит на это озеро, горы, сад, снег на вершинах, дом матери и белую колокольню в Невшателе — на родину. Потому что это и есть родина: облик горы, к которой привык с детства. За это ее, вероятно, и любят»...

Человеконенавистническая, пессимистическая сущность германского фашизма действовала с непревзойденной точностью и планомерностью, за что бы его служители ни принимались. Празднества, вроде 10 мая 1933 года, никогда не являлись результатом внезапного вдохновения, какими бы безумными и чудовищными они ни казались. Новый Порядок узаконил беззаконие, для всякого злодеяния придумал соответствующие правила. Приведу для примера выдержку из приказа, изданного под номером 0973/41, генералом Годтом, командиром 17-ой Германской армии на русском фронте.

«В виду того, что оккупированные нами области должны будут находиться под германским владычеством в течение многих лет, вы, солдаты, должны помнить, что являетесь представителями Великой Германии и новой Европы. Посему ваш долг выполнять даже самые немилосердные распоряжения, продиктованные германскими интересами, и выполнять их **как следует!**»

Солдаты генерала Годта, как, впрочем, все остальные немецкие солдаты выполняли **как следует** приказы своих начальников.

Так в одной только московской области захватчики разорили и разграбили 112 библиотек, 4 музея, 54 театра и сотни кинематографов. Они сожгли до тла знаменитый Бородинский музей.

Я могла бы перечислять без конца разоренные и разграбленные, подожженные и разрушенные исторические памятники, книгохранилища, дворцы, школы. Но для этого понадобилось бы слишком много времени.

В сожженных библиотеках Советского Союза хранилось

Новоселье

великое прошлое России. Народы Советского Союза знали свое прошлое. В пожарах и грабежах гибло не это знание, а бессмертные свидетели истории — книги. Прошлое не может быть уничтожено и еще менее уязвимо будущее того народа, который одарен величайшим из человеческих чувств — любовью к родине.

Чувство долга и любовь к родине, к дому матери, или хотя бы к колокольне, знакомой с детства — этого не сожжешь на костре.

К вам, американцы, гражданам страны, двери которой, по исторической традиции, открыты для каждого свободолобного человека, к вам обращены в эти дни зовы всего мира. Весь мир напоминает вам, что сожжение книг — не случайная выходка обнаглевшего проходимца. Это зовы не только о материальной помощи, но и о духовной, потому что для миллионов европейских жертв ваша страна была все эти годы землей обетованной.

В Бельгии есть город Лувен, дважды разоренный немцами, в 1914 и в 1940-ом.

Вильям Шайрер описывает в своем «Берлинском Дневнике», как в 1940 году он гулял среди развалин Лувена. Блуждая между руин, представлявших собой, до прихода немцев, знаменитый Лувенский университет, он отмечал, уцелевшие на камнях надписи. Вот некоторые из них:

Школа Финча,
Университет города Рочестера,
Академия Филипс, г. Андовер,
Иллинойский Университет,
Американский Союз Женщин с Университетским
Образованием,
Школы этого города — Филадельфии, Пенсильвания.

Однако самой знаменательной надписи Шайрер больше не нашел. Но память о ней жива и будет жить в веках. Я говорю о надписи, которая после первой мировой войны была высечена на одной из стен прославленной Лувенской библиотеки:

Разрушенная германской яростью, восстановлена американским великодушием.

Пусть эта надпись навеки останется символом Америки в глазах всего мира. Только расширим ее слегка, чтобы после второй мировой войны Европа могла воздвигнуть великолепный памятник, возвещающий грядущим поколениям:

Разрушенная германской яростью, восстановлена американским великодушием и братским пониманием.

О СФЕРАХ ВЛИЯНИЯ И “ГИГАНТАХ МЫСЛИ”

«Варварство степей грозит затопить Европу».

Гитлер

Блестяще проведенная высадка союзников в Нормандии, взятие Рима и новое грандиозное наступление Красной Армии открывают последнюю, решающую фазу войны. Естественно, что в общественном мнении воюющих стран повышается интерес к вопросам будущей организации международных отношений и, в частности, будущего устройства Европы.

Тема эта, впрочем, не сходит со страниц американской печати со времени Московской и Тегеранской конференций. Но обсуждение ее далеко не всегда соответствует серьезности и сложности задач, стоящих перед антигерманской коалицией.

Соглашение, заключенное в Тегеране, чрезвычайно встревожило круги, по тем или иным причинам относящиеся враждебно к Советскому Союзу. Реакционная печать ведет с тех пор ожесточенную кампанию против президента Рузвельта за то, что он якобы отдал Европу на поток и разграбление Сталину. Ничего удивительного в этом нет, если принять во внимание, что для херстовской печати сам Рузвельт является опасным большевиком, а на съезде республиканской партии в Чикаго бывший президент С. Ш. А. Хувер обвинял рузвельтовскую администрацию в том, что она идет по стопам «европейских революций». Американские реакционеры не видят никакой разницы между «ню дил», фашизмом и большевизмом. Их отношение к планам будущего мира определяется ненавистью к социализму, страхом перед европейскими народными движениями и соображениями внутренне-политического, точнее, избирательного характера.

Но «тегеранскую» политику критикуют и некоторые

сторонники Рузвельта, видящие в ней отказ от демократических идеалов, подавление слабых наций и раздел мира между тремя-четырьмя великими державами. Однако за этой демократической и пацифистской фразеологией обычно скрывается та же боязнь Советского Союза и нежелание примириться с тем обстоятельством, что его влияние на мировые дела будет после войны, по меньшей мере, **равным** английскому и американскому. «Антитегеранская» кампания по существу дела является **антирусской**. И русское общественное мнение не может пройти мимо того позорного факта, что в этой антирусской кампании самое деятельное участие принимает группа забытых русских политиков, обиженных с семнадцатого года на историю, которая снова ошиблась в 1941 г. высадив их на берегах Гудзона, вместо того чтобы распахнуть перед ними ворота Кремля. Они тоже выступают теперь против «гегемонии великих держав» и требуют «абсолютного равенства всех наций». Их пугают «сферы влияния» и «силовые комбинации». В полном созвучии с херстовской прессой они изображают Советский Союз каким то мрачным империалистическим хищником и скорбят при мысли о том, что под его пагубным влиянием «великие англосаксонские демократии» тоже намерены поработать и угнетать «малые и средние нации».

Бывшие лидеры не всегда так беспокоились о судьбах «малых наций». Это началось у них после Сталинграда. До разгрома армии фон Паулуса они беспрекословно признавали **«ведущую роль»** Англии и Америки. Это было время, когда редактор «Соц. Вестника» г. Абрамович отводил красной армии **«второстепенную роль в общесоюзной стратегии»**. Другой эмигрантский мыслитель заявлял тогда, что «новое отечество» это **«Англо-саксонский мир... плюс истощенная войной Европа»**, и откровенно признавал: **«новое федеративное отечество имеет своей политической предпосылкой гегемонию победителей»**, причем Россия исключалась и из числа победителей и из состава «отечества» (Г. П. Федотов. Новое Отечество. «Новый Журнал» IV, 1943).

Это было время, когда отставные государственные де-

Новоселье

ятели не только отдавали все малые и средние нации в полное распоряжение «гегемонов», но и рассчитывали на то, что эти последние займутся устройством также и **русских** дел, разумеется в интересах отставных деятелей. «Мировая директория» их тогда не дугала. Они требовали **соглашения** Москвы с Лондоном и Вашингтоном, **объединения** союзной политики и стратегии, воображая что Москва этому противится и ведет «сепаратную войну» с целью заключить сепаратный мир. Им казалось, что таким образом удастся подчинить Сов. Союз англо-американскому влиянию.

За спасение Европы от «гегемонии победителей» они приняли лишь тогда, когда Красная Армия, освободив Харьков и Киев, стала приближаться к государственным границам С. С. С. Р. Немедленно мудрецы, предсказывавшие сначала неминуемый разгром Советской армии, уверявшие затем, что Сталин ни за что не двинет свои войска за пределы России, заговорили о «реальной опасности советского экспансионизма». А в декабре 1943 г. со страниц журнала «За Свободу» раздалось в буквальном смысле слова — «Караул, ратуйте!»: — **«Все слышнее доносится топот татарских коней на мнимо-русском Куликовом поле. Чингисхан все явственнее вступает в центр русской истории».** (Г. Федотов. S. O. S., «За Свободу», № 14).

Любопытно, что в том же декабре орган немецких социал-демократов в Нью Йорке (*Neue Volkszeitung*) поместил две панические статьи под сенсационными заглавиями: **«Die Russen Kommen»** («Русские идут!») и **«Stalin in Prag»** («Сталин в Праге»). В первой, Фридрих Штампфер горько жаловался на гитлеровскую стратегию, не уберечьшую Германию от близящегося русского нашествия, а во второй выражал свое изумление по поводу того, что Бенеш выступил против «европейского единства», подписав договор с Советским Союзом.

Итак бунт против рузвельтовской внешней политики объясняется не принципиальными соображениями, а страхом перед Россией. Рассмотрим все же по существу аргументы «либеральных» и «социалистических» критиков Тегерана.

«Тегеранские совещания», писал «Соц. Вестник» (декабрь 1943), «продолжая линию, начатую уже на московской конференции, создают реальную базу для **мировой диктатории «великой тройки» или «великой четверки»**, на основе раздела сфер влияния». Этот раздел, по мнению меньшевистских дипломатов, должен неминуемо привести к столкновению интересов и к войне между участниками дела. Но и независимо от этой опасности они решительно возражают против того, чтобы организация международного мира строилась на основе «силовой комбинации», как они называют англо-советско-американский военный союз. Они требуют немедленного создания, после окончания военных действий, **«демократической надгосударственной организации больших и малых наций»**. Все государства должны будут войти в нее **«на основе полного равенства прав»**. Эта «наднациональная» федерация должна будет по их плану располагать собственной вооруженной силой. Отдельные национальные патриотизмы будут отменены и вместо них будет предписан всем народам общий «наднациональный патриотизм».

Некоторые авторы рекомендуют наряду с мировым сверхгосударством (или вместо него?) создание «региональных федераций» и в частности «Соединенных штатов Европы». Особой симпатией «Соц. Вестника» пользуется проект центрально-европейской федерации, которая объединила бы вокруг великодержавной Польши, увеличенной за счет СССР, Венгрии, Чехословакию, Австрию, Балтийские и Балканские страны.

Такова программа, которую, с теми или иными вариантами, защищают на страницах некоторых эмигрантских изданий, «гиганты мысли и отцы русской демократии», по бессмертному выражению «турецкого подданного Бендера» из «12 стульев» Ильфа и Петрова.

Изумительный факт: во всех своих рассуждениях они старательно и как то подчеркнуто обходят германский вопрос.

Намерены ли они включить Германию и ее «сателлитов»

на другой же день после войны в мировую или европейскую федерацию «на началах полного равенства»? Могут ли европейские страны, и прежде всего Россия и Франция, согласиться на такой подарок, прежде чем немцы не докажут на деле свою способность к мирному сожительству с другими народами?

Если нет, то все разговоры об отказе от «силовых комбинаций» и о новом «наднациональном миропорядке» являются в настоящий момент пустой болтовней. Если же «наднациональные» патриоты предлагают подчинить Великую Тройку федерации с участием Германии, то эта болтовня является кроме того **опасной**.

Победители должны будут заняться в первую очередь не фантастическими проектами мирового государства, а гораздо более реальной задачей — **обеспечения Европы от рецидива германской агрессии**. Для этой цели им придется подвергнуть довольно суровым ограничениям «национальные права» Германии и распорядиться некоторыми ее территориями, не считаясь с немецкими интересами и желаниями.

Смогут ли они привлечь для решения этой проблемы все без исключения другие европейские государства, «на равных правах»? Совершенно очевидно, что у союзников не может быть никакого доверия ни к Венгрии, ни к Финляндии, ни к Румынии, ни к Болгарии. Но почему собственно они должны будут доверять таким «нейтральным» странам как фашистская Испания или даже «демократическая» Швеция, снабжающая Германию сырьем и оружием, провозящая по своим дорогам немецких солдат и немецкие военные грузы? Как, при таком положении создать, **на другой день после войны**, ультра-демократическую и «наднациональную» федерацию, которой «Великая Тройка» могла бы передоверить заботу о коллективной безопасности?

«Гиганты мысли» не дают ответа на этот вопрос. Но если они молчат, не решаясь открыто выступить за немедленное включение Германии в европейскую федерацию, их друзья и единомышленники, немецкие с. д. и американские «паневропейцы» расширявают до конца «наднациональные» проекты.

Упомянутый выше «*Neue Volkszeitung*» обратился в декабре прошлого года с лестным предложением к Франции: **взять на себя руководство Европой, из которой немецкий**

соц. дем. орган исключал Россию, по его мнению не имеющую никакого отношения к «европейской цивилизации». При этом г. Штампфер счел нужным пояснить, что Германия, которую, наоборот, объединяет с Францией принадлежность к «западной цивилизации», не претендует на «лидерство» и готова уступить эту роль французам. Попытка бывшего редактора берлинского «Форвертса» исключить из европейской цивилизации страну Толстого и Достоевского, Павлова и Мечникова, Чайковского и Мусоргского, Станиславского и Вахтангова, советской кинематографии и русского балета может вызвать лишь беспокойство относительно состояния его умственных способностей. Но нужно иметь в виду, что политическое острие всех изготовляемых здесь в Америке, планов Европейских федераций, **направлено против России**. Наиболее известные из проектов «Соединенных Штатов Европы» исключают из них, кроме того и Великобританию, **отдавая Европу фактически в распоряжение Германии**.

На страницах того же «*Neue Volkszeitung*» граф Куденгове-Калерги уверяет, что это не так, что конституция выработанная «паневропейцами» в Нью Йорке «устраняет всякую опасность немецкой гегемонии, хотя она обеспечивает европейским немцам полное равноправие со всеми другими европейцами». Это свое утверждение он основывает 1) на «демократическом» характере конституции, обеспечивающей права человека всем европейцам и 2) на тех ее параграфах, которые поручают федеральным властям — а не Германии — командование европейской армией и управление военной промышленностью. Как будто не известно, что все конституции мира отражают соотношение сил, что соотношение сил меняется и что 80 миллионная Германия, с ее промышленными ресурсами, с ее «динамизмом» быстро оттеснит на второй план истощенную Францию; сумеет, не смотря ни на какие параграфы, сплотить вокруг себя своих клиентов и занять господствующее положение в Европе. А так как при этом в ее распоряжении окажутся французские, бельгийские, голландские и может быть и португальские колонии, то через несколько лет после поражения Гитлера выяснится, что Германия выиграла войну. Если же включить в «Соединенные Штаты Европы», как этого требует «Соц.

Вестник», балтийские страны, западную Украину, западную Белоруссию и Бессарабию, если сверх того ликвидировать «Великую Тройку», то мировое господство Германии обеспечено.

Следует ли отсюда, что социалистический идеал национального равноправия и братства народов, или хотя бы только мирного сотрудничества, является вздорной химерой, бессмысленной мечтой? Нисколько. Из всего сказанного выше следует лишь, что **в первые годы после войны европейские и внеевропейские государства, по целому ряду политических, психологических и экономических причин не будут в состоянии создать «сверхнациональное» мировое, или хотя бы только европейское государство.**

Политика, говорят французы, есть «искусство возможного». К тем соображениям, которые были высказаны выше нужно прибавить, что внутри каждого из европейских (возможно и заокеанских) государств далеко не сразу восстановится равновесие, необходимое для того, чтобы они могли определить окончательно свои отношения друг к другу; что каждое из них будет по своему решать свои внутренние проблемы, и мы не можем предугадать, каково будет в них соотношение общественных классов и политических сил в результате восстановительного процесса. Разница социальной структуры и противоречия политических интересов легко преодолеваются на бумаге. На деле это не так просто. Задачей практической политики после войны будет **согласование** интересов больших, средних и малых государств и их экономическое **сотрудничество**. Авторы бумажных конституций совершенно упускают из виду сложность этой проблемы.

Наконец, народы оккупированной Европы вряд ли променяют на другой день после войны любовь к своим отечествам на «наднациональный патриотизм» с такой легкостью, как г-да Далин и Абрамович.

**
*

В Тегеране, насколько известно, руководители союзной политики только приступили к обсуждению проблемы будущей международной организации и устройства Европы. Но

нет ровно никаких оснований предполагать что в их намерения входит **раздел мира**, в частности Европы, на «сферы влияния», а тем более «порабощение и подавление малых наций», как это утверждает «Соц. Вестник».

Прежде всего, что такое эти пресловутые «сферы влияния», которыми пугают Европу «либеральные» критики? В точном, международно-правовом смысле «сферы влияния» возможны только в колониальных и полуколониальных государствах или в таких, которые находятся в длительном состоянии внутреннего распада (как это было в 19 веке и в начале 20-го в Турецкой империи). Классическим образцом таких разделов являются англо-русский договор 1907 г. относительно Персии, Афганистана и Тибета, и размежевание англо-французских интересов в Африке. В обоих этих случаях, кстати, раздел не только не привел к конфликту между партнерами, но подготовил, наоборот, «Сердечное согласие» и англо-русский союз. На Балканах Берлинский конгресс 1878 г. сделал неудачную попытку раздела сфер влияний, которая свелась к лишению России плодов ее победы, к укреплению средиземноморских позиций Англии и к расчистке пути для германского «Дранг нах Остен». Раздел старых, культурных европейских государств между Англией и Россией на подобные «сферы влияния» во первых невозможен, а во вторых не нужен ни русским, ни англичанам.

Но кроме такого прямого вмешательства великих держав во внутренние дела государств с **ограниченным суверенитетом**, международная политика вынуждена считаться с **фактическими влияниями**, не предусмотренными никакими разделами:

1. С влиянием, которое государства и народы более мощные экономически и политически, более культурные и более передовые, оказывают на более слабые или отсталые, хотя и суверенные государства, особенно когда последние нуждаются в военной защите или в финансовой поддержке.

2. С разницей в международном весе, в объеме и в характере интересов представляемых великими мировыми дер-

Н о в о с е л ь е

жавами и «малыми и средними» государствами с «ограниченными интересами».

3. С теми влияниями, которые определяются классовыми притяжениями и отталкиваниями; моральным или политическим престижем.

4. С международным влиянием, которое в определенные исторические эпохи оказывают народы, живущие особенно напряженной умственной жизнью, или обладающие творческой инициативой в политической и социальной областях.

Раздел этих влияний невозможен. Никакая федеральная конституция не сможет их искоренить.

Задачей практической политики может быть **использование** этих влияний, их **согласование**, или **противодействие** тем или иным из них. Весь вопрос в том, каким интересам они служат и какие цели преследуют, соответствуют ли эти цели общей тенденции исторического развития и человеческого прогресса, или противоречат ей. Одно дело — влияние французских идей 1789 или 1848 гг. на европейское развитие, другое дело — предписанное лондонским сити «невмешательство» в испанскую гражданскую войну, или запрет наложенный на развитие автомобильного транспорта в интересах английских ж. д. компаний в Южной Америке.

Капиталистические государства располагают весьма сильными средствами влияния, из которых наиболее известными являются кредиты, займы, капиталовложения и торговые договоры. Как избежать этих влияний, не посягая на основы капиталистической системы? Было бы чрезвычайно наивно предполагать, что великие капиталистические демократии согласятся передать решение таких вопросов, как мировые пути сообщения, распределение тоннажа, нефтяные источники, не говоря уже о военно-морских базах, на решение коллектива, состоящего из «равноправных» и в большинстве своем сухопутных наций. Разрешить эти вопросы можно только путем примирения и согласования сталкивающихся интересов. **Но соглашение отнюдь не означает обязательный «раздел».** В целом ряде случаев оно возможно

лишь на основе «совместной ответственности», объединения усилий, капиталов и технических средств. Эта сама по себе сложная задача осложняется в наше время новым в человеческой истории обстоятельством, что одной из трех великих держав, которые будут играть руководящую роль после войны, является государство, перестроившее свое народное хозяйство на социалистических началах, исключая погоню за прибылью и борьбу частных интересов. Внешняя политика России не подвергается воздействию промышленных концернов, банков или синдикатов хлебных экспортеров. Она может иметь лишь одну цель: обеспечить укрепление и развитие социалистической хозяйственной системы и использование заложенных в ней возможностей для мирного строительства в интересах благосостояния ста девяносто миллионного населения СССР.

И само собой разумеется, что социалистическая Россия тоже не может передать вопросы имеющие жизненное значение для ее безопасности и экономической независимости на разрешение яко бы «беспристрастного» и «демократического» коллектива капиталистических государств, в которых все вопросы решались бы большинством. Но и Россия может **согласовать** свои внешние интересы с интересами своих капиталистических партнеров. И опять таки «согласование интересов» не означает обязательно «раздел сфер влияния», территориальное размежевание. Сотрудничество может быть организовано на основе компромисса между различными интересами и противоположными международно-политическими концепциями.

Насколько мы понимаем, союзная дипломатия стала в Тегеране именно на этот путь.

С этим положением не согласны отставные русские лидеры, желающие во что бы то ни стало вернуть Советский Союз к временам Версаля и Риги и выбивающиеся из сил, чтобы восстановить общественное мнение союзных стран против Москвы.

Это их дело. Но откуда они взяли, что в Тегеране произошел «раздел Европы»? Ни один из официальных текстов

этого не говорит. Союзные министры это категорически отрицают. Г. Форест Дейвис, чей рассказ о «закулисной» истории тегеранской конференции считается наиболее достоверным (*Sat. Evening Post* 13 и 20 мая 1944), утверждает, что никаких решений относительно Европы там не было принято. Он сообщает любопытные сведения о рувельтовском проекте интернационализации кильского канала и прилегающей к нему территории, что явилось бы типичным примером «общей ответственности», а не раздела. Остальные его разоблачения относятся к **намерению** президента возбудить вопрос о передаче США Маршалльских и Марианских островов, а также военно-морских баз в Исландии и на западно-африканском (французском) побережье, при чем никаких указаний на «компенсации» для России и Англии, т. е. на «раздел» мира, в его рассказе нет.

В доказательство того, что в Тегеране произошло соглашение о «разделе» и о «подавлении малых наций», ссылаются на советско-чехословацкий договор, на признание Тито, на Грецию и на Польшу. Утверждать, что Бенеш подписал договор с Москвой под чьим то «давлением» могут только круглые невежды или злостные клеветники. Что же касается Тито, то теперь всем ясно, что его народно-освободительная армия является единственной реальной антинемецкой силой в Югославии, что за ней стоят широкие массы юго-славянского народа и что «русское влияние» в Югославии, как и вообще на Балканах, не зависит ни от каких «разделов» и не нуждается ни в каком «давлении». К тому же в настоящее время Англия, гораздо больше чем Россия, занимается вопросом реорганизации югославянского и греческого правительств, стараясь спасти «монархический принцип» и обе балканские династии, являющиеся орудиями **английского**, а не русского влияния.

Внутренние и междугосударственные отношения на Балканах в настоящее время, при немецкой оккупации, находятся в таком состоянии, что вряд ли возможно уже теперь выработать приемлемую для всех программу устройства этого беспокойного полуострова. Задача русского общественного мнения и русской публицистики, на наш взгляд, состоит в том, чтобы способствовать выработке такой программы, которая соответствовала бы **интересам России и желаниям балканских народов**. Этим принципом, впрочем, русская дипломатия дол-

жна руководствоваться и во всех других пунктах земного шара.

Но не только чешский и югославянский примеры доказывают — вопреки нашим «гигантам» и гигантикам, что никакого раздела Европы не произошло. Мы это видим теперь на примере Италии, Норвегии, Турции, Франции и Польши. «Либеральные» критики пробовали было протестовать против «нелояльности» Москвы, возобновившей дипломатические отношения с Италией и вообще проявляющей интерес к итальянским делам, несмотря на то, что эта страна входит, яко бы, в «сферу влияния» Англии и Америки. Но уже сам факт, что Россия участвует в решении итальянских проблем показывает, что союзники не рассматривают аппенинский полуостров, как английский «заповедник». И на каком основании Россия согласилась бы перестать «интересоваться» Италией? Россия поддерживала с ней всегда самые тесные торговые и культурные сношения, — снабжая ее кубанской пшеницей, (особенно высоко ценимой итальянцами) донецким углем и марганцевой рудой; русские туристы были желанными гостями в Риме и Флоренции; русские художники и артисты ездили учиться в Италию. Пожалуй ни в одной западно-европейской стране не были так сильны симпатии к России, как в Италии, в старое время и после революции.

Норвегия, в которой испокон веку английское влияние было преобладающим, заявила недавно, устами одного из членов своего правительства, г. Терье Волд, что она ни в каком случае не войдет в проектируемый Швецией «скандинавский блок» и намерена самым тесным образом сотрудничать с Советским Союзом.

В Турции началось движение в пользу сближения с Россией. Бывший министр иностранных дел г. Рушди Арас, как сообщает «Нью Йорк Таймз», опубликовал ряд статей, доказывающих, что англо-турецкий союз не является препятствием для заключения аналогичного союза с Сов. Союзом.

Наконец, генерал де Голль, в своей речи 7 мая 1944 г. заявил себя сторонником заключения «постоянного союза с

дорогой и могущественной Россией». Говорить о «дипломатическом давлении» Москвы на де Голля, который не поддается гораздо более реальным и близким нажимам, значит ничего не понимать во французских делах.

О каком «разделе Европы» может идти речь при наличии этих фактов? И где здесь «порабощение» малых и средних наций?

Могут сказать, что это тяготение к России объясняется престижем ее военных побед, притяжением силы. Это будет до известной степени верно — хотя это не все. Но на что же рассчитывали «гиганты мысли»? На то, что победоносная Россия будет изгнана из Европы, отброшена от свободных морей, исключена из мировой политики?

Что же остается от обвинения, выдвинутого против Тегерана? Лишь то, что Англия и Америка заключили соглашение с Советским Союзом, не потребовав предварительно, чтоб он отказался в пользу Польши от украинских и белорусских земель и согласился допустить образование на своем балтийском побережье кукольных государств, зависящих от той же Польши и ее возможных покровителей.

Но может быть Польше грозит опасность превращения в русский протекторат?

Утверждать, что польская армия, сражающаяся на русском фронте угрожает польской независимости можно только исходя из предположения, что независимая Польша должна быть обязательно антирусской. То уродливое государственное образование, которое было создано в 1919-1922 гг. стараниями французской дипломатии имело своим назначением **заменить** Россию в качестве противовеса Германии и служить **барьером** против России. Версальская Польша могла существовать только при поддержке Франции или Германии, при условии слабости России. Пытаться восстановить ее — пустое и опасное занятие. Лишь дружественная России Польша сможет быть подлинно независимой, так как Советский Союз не заинтересован ни в «подавлении» польской нации, ни в создании польского барьера против Франции и Англии. А от германской опасности защитить Польшу может только англо-франко-русский союз. Поэтому плохую услугу польской независимости оказывают те, кто поддерживают притязания пилсудчиков на украинские и белорусские земли и

травят польских патриотов, работающих для сближения с Россией.

Само собой разумеется, что у каждой из трех мировых держав имеются свои **особые** интересы, связанные с определенными «зонами», зонами безопасности или зонами хозяйственных связей. Сов. Союз например не может допустить образования нового «санитарного кордона» на своей западной границе. Поскольку станет возможным сохранить и укрепить после войны **сотрудничество** «Великой Тройки», существование особых «зон безопасности» будет только содействовать **общей** цели: предупреждению новой германской или японской агрессии. Но было бы весьма неосторожно, под предлогом «стратегии», создавать, как это рекомендует например г. Волтер Липман, такие объединения, как «Атлантический блок» охватывающий, под руководством США почти всю Европу, всю Африку, половину Азии и все океаны. Подобное «размежевание» походило бы на изоляцию России и вряд ли было бы в интересах большинства европейских народов.

Защищая свои интересы, Россия не нуждается в подавлении других народов. Это противоречит и ее социально-экономическому строю и ее международно-политической доктрине, и тому подлинному национальному равноправию, которое лишь она одна сумела до сих пор осуществить у себя дома. Поэтому «малым и средним нациям» нечего опасаться участия Советского Союза в «Великой Тройке» после войны. Его влияние на международную политику сможет быть лишь благоприятным для более слабых народов.

Недавно опубликованный президентом Рузвельтом проект будущей международной организации предусматривает образование верховного исполнительного Совета из четырех постоянных членов (Англия, США, СССР и Китай) и пока еще неопределенного числа «других наций». Кроме того проект предусматривает более широкий организм, в котором будут представлены все нации. Взаимоотношения между этими двумя органами в проекте не определены. Американский проект более или менее соответствует тому, что может быть практически осуществлено в ближайшее время, хотя

травят польских патриотов, работающих для сближения с Россией.

Само собой разумеется, что у каждой из трех мировых держав имеются свои **особые** интересы, связанные с определенными «зонами», зонами безопасности или зонами хозяйственных связей. Сов. Союз например не может допустить образования нового «санитарного кордона» на своей западной границе. Поскольку станет возможным сохранить и укрепить после войны **сотрудничество** «Великой Тройки», существование особых «зон безопасности» будет только содействовать **общей цели**: предупреждению новой германской или японской агрессии. Но было бы весьма неосторожно, под предлогом «стратегии», создавать, как это рекомендует например г. Волтер Липман, такие объединения, как «Атлантический блок» охватывающий, под руководством США почти всю Европу, всю Африку, половину Азии и все океаны. Подобные «размежевание» походило бы на изоляцию России и вряд ли было бы в интересах большинства европейских народов.

Защищая свои интересы, Россия не нуждается в подавлении других народов. Это противоречит и ее социально-экономическому строю и ее международно-политической доктрине, и тому подлинному национальному равноправию, которое **лишь** она одна сумела до сих пор осуществить у себя дома. Поэтому «малым и средним нациям» нечего опасаться участия Советского Союза в «Великой Тройке» после войны. Его влияние на международную политику сможет быть лишь благоприятным для более слабых народов.

Недавно опубликованный президентом Рузвельтом проект будущей международной организации предусматривает образование верховного исполнительного Совета из четырех постоянных членов (Англия, США, СССР и Китай) и пока еще неопределенного числа «других наций». Кроме того проект предусматривает более широкий организм, в котором будут представлены все нации. Взаимоотношения между этими двумя органами в проекте не определены. Американский проект более или менее соответствует тому, что может быть практически осуществлено в ближайшее время, хотя

Н о в о с е л ь е

мы вряд ли ошибемся, если скажем, что в некоторых пунктах придется согласовать его с интересами России и Англии. Мы не знаем, какова на этот счет официальная советская точка зрения. Но нам кажется, что Россия заинтересована в том, чтобы Франция, несмотря на свое поражение, получила в Совете наций место соответствующее ее исторической роли, экономическим ресурсам и моральному престижу, непоколебленному лавалевско-петеновским предательством. При всем нашем уважении к Китаю, мы не можем ставить его влияние выше французского, особенно в европейских делах. Задача обеспечения мира в Европе и наблюдения за Германией ляжет прежде всего на плечи Советского Союза, Франции и Англии. Им же придется улаживать мелкие центрально-европейские и балканские споры. Они должны будут совместно определить свое отношение к социальным проблемам и к внутренним конфликтам в случае их возникновения. Устранение Франции от решения этих проблем противоречило бы не только русским, но и общеевропейским интересам.

**
*

«Сверхнациональные патриоты» разумеется против франко-русского союза. Они печатают в своей прессе статьи против де Голля, потому что он стоит за сближение с Россией. Они, вообще, считают своим долгом нападать на всех союзных государственных деятелей, симпатизирующих России. Чем объясняется это антинациональное неистовство сверхнациональных патриотов? Они объясняют это тем, что русская армия несет европейским народам «порабощение», что **«наш русский Восток не способен нести свободу на завоеванную или отвоеванную (победителем) почву»**, так как **де «в нашей стране создалась система варварства представляющая себя миру как социализм»**.

То же самое говорит Гитлер.

ГЕНРИХ МАНН

БУДУЩЕЕ НЕМЕЦКОГО НАРОДА

Печатаемая ниже статья написана для «Новоселья» Генрихом Манном, известным немецким писателем, автором социальных романов, политических памфлетов, публицистических статей, неутомимым борцом с силами реакции и фашизма.

Как это произошло

Если бы Германия, убедившись, что война проиграна, своевременно капитулировала, это облегчило бы ее участь. Но жестокая жизненная логика, вопреки рассудку, требует продолжения проигранной войны; ибо вопреки рассудку была она начата.

Страна, находящаяся в самом центре Европы, могла ополчиться против идейного и политического уклада всего цивилизованного мира лишь потому, что отношения между нею и этим миром давно уже приняли уродливую форму. Германии всюду чудились враги, которых необходимо уничтожить, и она смотрела на этих врагов свысока. Особенно непонятным казалось ей стремление народов Европы к объединению, к созданию единого союза. В ней жила кичливость невежды и маниака. Мировоззрение, сущностью которого было ничем неоправданное национальное высокомерие, никогда впрочем не являлось символом веры немецкого народа. Этот народ по настоящему не помышлял о своем избранничестве. Наоборот, он скорее страдал от недостатка веры в свои силы: нормальное чувство собственного достоинства чуждо было среднему немцу. Понадобился целый ряд идей, заимствованных у иностранцев, чтобы перестроить его психику.

Некоторые из этих идей принадлежали Гобино, талантливому французскому писателю, который в книге «О расо-

Новоселье

вых различиях» ополчился против своей собственной страны; до остальных стран ему не было дела. Другим источником новых веяний были писания Хаустона Стюарта Чемберлена, англичанина, изменившего своей родине. В Байрете, куда он переселился после женитьбы, им написана была книга «Основные идеи девятнадцатого века». Войдя в состав семьи Вагнеров, он распространил величие своего тестя на всю Германию: то, что Рихард Вагнер был велик сам по себе, его, по видимому, не удовлетворяло.

К плеяде мыслителей, открывших миру идеи германского превосходства, германского аморализма и жизнеотрицания, принято причислять и Ницше: в действительности он был совершенно чужд этим идеям и стал жертвой недоразумения. Он презирал Германию и с недоверием относился к «Райху»; это слово он неизменно ставил в кавычки. Культура Ницше, весь строй его мыслей менее всего сродни современной Германии; если он и немец, то скорее типа Гете, ибо он универсален. Чтоб опереться на Ницше, раздутое немецкое самолюбие должно было прибегнуть к искажению его облика.

Немцев отличает отсутствие самостоятельности в мышлении и поступках — всего того, что другие народы приобрели ценой упорного труда. Они легко поддаются мистификации и любят, чтобы ими командовали — в армии, в политике, в области идей. Они позволили навязать себе фашистскую идеологию еще до того, как дали себя втянуть в фашистскую агрессию. И война, и оправдывающая ее уродливая идеология служили интересам кучки людей. Немцы еще и поныне ландскнехты, наемники на службе у господ. Теперь они дерутся за рейнских промышленников и за их агента Гитлера, дерутся не всегда с убеждением в своей правоте, но стойко, без колебаний, до конца.

Пока мы еще не слышали, чтобы в Германии нашлись люди, считающие необходимым исправить сделанные ошибки. Немцы думают теперь об одном: как бы отсрочить возмездие за содеянное. Страна сильно пострадала от бомбардировок и почти лишилась мужского населения; рабочие чуть не сплошь иностранцы; множество немцев угнано на чужбину наравне с миллионами других европейцев, которым не полагается иметь родину.

Наперекор всему, разбитые немецкие войска попрежнему

упорно цепляются за чужие территории, на которые они несколько лет назад вступили победителями. Подчинить себе завоеванные страны им не удалось, и они не имеют никакого права там оставаться — даже того права, которое дает грубая сила.

Наполеон провел одну из самых своих блестящих кампаний на французской земле. Советские граждане в 1943-1944 гг. штурмом освободили от врага свои обширные земли. Но немцы боятся такой войны. Все что угодно, лишь бы не сражаться у себя дома! Поэтому война затягивается до бесконечности, во все растущем страхе перед последствиями. Конечно, большинство немцев втайне мечтает о том, как бы обезвредить фюрера прежде чем придет конец Германии. Но выйти из повиновения они не решаются.

Немецкие помещицы, управляющие именьями вместо мобилизованных или погибших на фронте мужей, покупая на рынке рабынь-иностранок, ощупывали их мускулы. Одну русскую студентку непосильным трудом и голодом помещица довела до самоубийства. Теперь эта помещица, поневоле очутившаяся среди чужих, живет в вечном страхе. Она предвидит наступление дня, когда чужестранные рабы превратятся в мстителей. У немцев остается одна надежда: после того, как военное счастье изменило им, массовое истребление жителей оккупированных стран может стать невозможным. Над Германией нависла угроза возмездия. Перспектива не очень то отрадная.

Самое главное, чего не хватает немецкому народу, это пронизательности и понимания явлений морального и материального порядка. Поверил ли этот народ в возможность господства над миром или боролся за это без веры в победу, слепо повинаясь чужой воле, — и в том и в другом случае он должен подвергнуться самому основательному перевоспитанию. В этом его будущее.

Дальновидные победители

Внешние формы устройства Германии установлены будут волею победителей, разумеется, лишь в общих чертах и временно, пока немецкий народ не одумается сам. Но от разумной тактики победителей будет в значительной мере зависеть возможность поворота к лучшему.

Н о в о с е л ь е

Пока ходят слухи о планах, которым верится с трудом: о перекройке границ, отторжении целых областей, внутреннем расчленении государства. Но ничего не слышно о предлагающихся социальных реформах, а в них ведь вся суть. Изоляция Пруссии сама по себе никакого значения не имеет. Источником двух последних войн, затеянных Германией, вовсе не была Пруссия. Очаг нынешней войны — Рейнская и Рурская области. Гитлер добился власти, как платный агент капиталистов, а отнюдь не как ставленник юнкерства. Война, ответственность за которую он несет, это война капиталистов.

Очутившись лицом к лицу с поражением, рейнские промышльенники могут, конечно, как делали уже не раз, предать своего военачальника и попытаться состряпать компромиссный мир. Такой мир, обрекая Гитлера на гибель, дал бы им возможность удержаться на прежних позициях. Но если капиталистам удастся осуществить свой план, военный контроль над Германией ни к чему не приведет. Люди, которые были инициаторами двух войн, не остановятся перед тем, чтоб начать третью.

Победители должны будут понять, что пока им удалось разбить только армии фашизма. Фашизм сам еще далеко не сломлен; он является угрозой и во многих из стран-победительниц. В самой Германии он будет существовать под маской любого режима, пока капиталисты Рейнской области будут оставаться на своих местах. Только методы фашизма, т. е. методы насилия обеспечивают им господство в стране. Добровольно, по убеждению, немецкий народ не мог бы стать орудием в их руках. Хоть немцы и любят, чтоб ими командовали, но едва ли им особенно приятно плясать под дудку жадных тупиц, которые проигрывают уже вторую войну и все никак научиться не могут уму разуму. Теперь большинству народа пора понять, что страна не так велика и не так богата, чтоб содержать миллиардеров. Ведь Германия могла бы развиваться нормально, если б они не довели ее хозяйство до полного упадка, последствием которого явилась война. Беда в том, что многие верят еще в лживый миф о «Лебенсрауме», который должен быть завоеван: это создает ряд затруднений.

Уже в самом начале войны немецкие генералы сознавали

ее нелепость, тем не менее они до сих пор помогают ее вести. Ведь и они ландскнехты, выполняющие приказы капиталистов. Эти военные люди, особенно те, что постарше, — родом из помещицкой Пруссии; но у каждого из них имеется близкий родственник в правлении какой нибудь фабрики. Юнкерство утратило почти все свое бывшее влияние. Республика дала им «Osthilfe» — особую форму милостыни, у них нет ничего, кроме земли, земли в таком изобилии, что они не в состоянии рационально на ней хозяйничать.

Разумные победители должны понять следующее: такое распределение благ, при котором весь капитал находится в руках кучки промышленников, а огромные латифундии во владении крупных помещиков, не могло не иметь роковых последствий для Германии и для всего мира. А если это так, нужно вооружиться мужеством и сделать вывод: фабриканты должны подвергнуться экспроприации, а на землях, принадлежащих крупным магнатам, следует поселить крестьян.

Для немцев эти мероприятия не будут неожиданностью. Им не дано было ни разу проявить инициативу: они всегда с запозданием следовали примеру других народов. Революция 1789 г. дала землю крестьянам; этим положена была основа демократического строя во Франции. В Германии, наоборот, именно с этого времени начинается рост крупного землевладения, продолжавшийся при всех режимах — монархическом, республиканском, фашистском. Октябрьская революция уничтожила право частной собственности на сырье; в Германии это право, свободное от каких бы то ни было ограничений, превратилось в прямую угрозу для страны.

Что должны сделать немцы.

Практические мероприятия будущих победителей могут оказаться более или менее осуществимыми; но если они даже целиком будут проведены в жизнь, останется еще самое важное: то, что должны сделать сами немцы. Поняв, «как это произошло», можно устранить первопричину. Но экономические реформы и дифференциация сил внутри страны не убьют зла в корне. Главное зло таится в сознании людей.

С нынешними немцами — речь идет, конечно, о большинстве — дело обстоит не так, как с народами, которые пе-

Н о в о с е д ь е

режили великие революции. Французы и русские в течение ряда лет питали ненависть к абсолютизму и помышляли об уничтожении привилегий. Немцы же, приобретя при республиканском строе права свободных граждан, отреклись от этих прав ради жесточайшей тирании, и вдобавок вздумали навязать эту тиранию целой части света.

Следует ли признать их виновными? И да, и нет. Ясно одно: они не сумели и не пытались по настоящему воспрепятствовать тому, что несло гибель человечеству, и прежде всего им самим. Германия дала много мучеников, но мученичество это оказалось бесплодным. И в конце концов огромное большинство доведено было до того, что согласилось принести в дар чудовищу миллионы не только своих, но и чужих жизней. Став орудием преступной воли, немцы опустошили чужие земли, но оказались бессильными, когда их страна в свою очередь подвергается опустошению. Самым чудовищным из всех деяний было массовое истребление мирных жителей, мотивированное тем, что население других стран численностью не должно превышать сильно поредевшее население Германии. Власть имущие называют это популяционной политикой. А немецкие солдаты? Менее всего думают они о политике. Они ищут алиби в полном отсутствии мысли.

Они не помнят о своей принадлежности к цивилизованному миру и легко забывают то, что совершили. Это наблюдается на всех ступенях военной иерархии. Когда военнопленные, которых принуждали к каторжным работам, напомнили коменданту лагеря о существовании Женевского устава, он ответил: «мне дела нет до жидовских уставов». И эта фраза — алиби.

Состояние пониженной сознательности и ограниченной ответственности — характерная черта среднего немца. В основе этого упадочного состояния лежит интегральное, культивировавшееся целых двенадцать лет, поразительное невежество. Двенадцать лет, в течение которых страна управлялась самими худшими элементами — неучами, безумцами, прирожденными преступниками, — не могли бы нигде пройти бесследно. Наследством этих лет в Германии является ощущение бессилия, душевная пустота, дыра на месте совести. Другой народ, быть может, легче осуществил бы переход от рабства к лучшей жизни, ибо в прошлом привык сам ко-

вать свою судьбу. Немцы, в огромном своем большинстве лишенные демократических навыков, не имеют представления о том, что их ждет. В лучшем случае они предполагают, что Германии суждено будет стать демократией, потому что такова будет воля грозных победителей. Но что такое демократия, в чем ее суть? На этот вопрос они не в состоянии дать ответ.

Недавно Комитет Национального Освобождения в Алжире сделал сообщение о своих планах относительно французской прессы. Планы эти следующие: в освобожденной Франции изменникам не дадут напечатать ни единого слова. Газеты будут подлежать контролю. Число их будет доведено до минимума. Такова новейшая концепция демократии: в данной исторической обстановке она вынуждена прибегать к методам диктатуры.

Характерно, что упомянутая декларация исходит от французов. Мы не слышали аналогичных заявлений, касающихся Германии, ни от немецких подпольных кругов, ни даже от Германского Национального Комитета в Москве. Повидимому эти органы опасаются, и не без основания, конфликта с германскими демократическими партиями, которые упрямо держатся за устарелые представления о том, чем должна быть свобода при демократическом режиме. Они, как видно, еще донныне убеждены, что, согласно общеизвестной схеме, врагам свободы должна быть предоставлена полная свобода ее разрушать. Эта схема помогла германской республике вырастить Гитлера. В несколько иной форме это может повториться опять.

Экономические реформы, а уж политическая перестройка и подавно, сами по себе не в состоянии обновить внутренний мир человека. Национализация угольных копей еще не делает людей умнее. Самая совершенная демократия может дать трещину под напором фашистской идеологии. Надо призадуматься вот над чем: миллионы людей искренно верили, что они существа высшей расы; раненые в Африке немецкие солдаты не соглашались, чтоб им переливали чужую кровь, даже когда это могло спасти жизнь. А наряду с людьми этого типа в Германии имеются миллионы лицемеров, которые опять прибегнут к обману. На этот раз они будут корчить из себя добрых европейцев и альтруистов!

Новоселье

Нужно принять еще во внимание потребность реванша, которую создаст поражение. Военная катастрофа 18-го года была воспринята многими немцами (в их числе был и первый президент республики), как незаслуженный удар, а были и такие, которые просто отказывались признать ее совершившимся фактом. Если и на этот раз урок истории пропадет даром, новая неудача окажется еще более тяжелым бременем. Немцам пора, наконец, осознать, на что столько лет так бессмысленно расточались их силы. В какую бездну безумия ввергнуты они были уже во второй раз! Они должны забыть свою историософию и научиться новой морали. Взрослые немцы в большинстве случаев не понимали, что с ними делают, оттого лишь и стал возможным кошмар настоящего; молодежь систематически развращалась. Процесс сурового перевоспитания, которому должны подвергнуться все без исключения, это первая ступень к упорядочению жизни в Германии, к обеспечению мира в Европе.

Людей, которые плохо мыслили, плохо действовали и плохо учили, необходимо устранить из общественной жизни. Им должен быть закрыт доступ к педагогической деятельности и журналистике. Чистке должны подвергнуться литература, наука, техника, искусство. Особая бдительность необходима в области политики: многие деятели прежнего режима будут пытаться проскользнуть в политику под вымышленными именами. Если немцы сами не примут мер предосторожности, придется об этом позаботиться союзникам.

Воспитание путем устного и писанного слова, путем действия и примера, должно быть возложено на самих немцев. Люди для этого найдутся. Их немало в Лондоне, в Мексике, да и в самой Германии. Среди развалин немецких городов живут еще те, которые думают и чувствуют так же, как мы.

ФАННИНА ГАЛЛЕ

ПРАМАТЕРЬ АЗИЯ И ДЕТИ ЕВРОПЫ

Фаннина Галле, уроженка России, д-р философии венского университета, искусствовед и социолог, в течение ряда лет путешествовала с научной целью по европейской и азиатской части Сов. Союза. Ф. Галле является автором трудов по древне-русскому искусству и двух книг, переведенных на многие языки, в том числе и на английский — «Woman in Soviet Russia» и «Woman in the Soviet East». В данное время Ф. Галле готовится к печати книгу о советских детях.

Средняя Азия, «Страна Пяти Республик», как теперь в СССР именуют прежний Туркестанский край — Узбекистан, Казахстан, Туркмения, Киргизия, Таджикистан — со времени своей советизации и в хозяйственном, и в культурно-бытовом отношении продвинувшаяся далеко вперед, с первых-же дней Отечественной войны переживает еще более значительный под'ем. В авангарде шагает Узбекистанская СССР, в азиатской части Союза играющая приблизительно ту же роль, какую РСФСР играет в европейской.

Излишне говорить об отсталости, темноте и бедности, в былые годы царивших в этой самой богатой, самой экзотической колонии Российской Империи, занимавшей около трети ее территории и населенной «инородцами». Эти времена отошли в область преданий. Презрительного слова «сарт», которым некогда определяли туземцев, соответствующего выражению «желтая собака», больше не существует. Коренное население страны теперь «уз-беки», т. е. «хозяева сами по себе», а кроме этой, преобладающей, этнически довольно смешанной турецко-монгольско-иранской разновидности, в Узбекистане живут еще русские, таджики (иранцы), киргизы, около 30.000 бухарских евреев и десятки тысяч бывших немецких и австро-

венгерских военнопленных. В общей сложности, население Узбекистана в 1939 г. составляло около 6.300.000.

Когда в июле 1941 г., вслед за германским вторжением, началось до сих пор в истории еще небывалое переселение народов с запада на восток, миллионы эвакуированных из временно занятых врагом Советских республик ~~влились также~~ и в Среднюю Азию (3 миллиона в один только Узбекистан). А параллельно с этим произошло еще другое необычайное явление: — ожило, поднялось, и из одной части света в другую передвинулось не только множество крупных заводов, фабрик, машин, но и всякого рода административных и культурных учреждений. Весь этот гигантский Исход из Европы сразу же поставил всех и все на ноги. Возрождение Узбекистана получило новый, решительный толчок.

Случилось то, о чем никто и мечтать не смел. В пустынных, жгучих песках Средней Азии, одной из классических стран «вечной жажды», где с незапамятных времен все помыслы земледельцев сводились к одному только вопросу о воде, в годы изнурительной войны, еще явственней чем до этого, забурила, заиграла, полилась вода. Необычайно разрослась и все ширится сеть оросительных каналов. И сотни тысяч гектаров веками истощенной земли жадно «впитывают в себя благословенную, живительную влагу.

Вчера еще, казалось, мертвая пустыня на глазах у всех превращается в цветущий оазис, и даже «Голодная Степь» представляет собой теперь золотящееся на солнце хлебное поле. Прежняя царская окраина, куда зерно обычно ввозилось, не только становится второй житницей Советского Союза, но с 1942 г. на протяжении десятков тысяч гектаров там произрастает даже свекла, для новопостроенных сахарных заводов.

А «белое золото», которым издавна славился солнечный Узбекистан? В этой области Узбекская «хлопчатобумажная» Республика почти покрывает нужды всего СССР, удовлетворяя их целиком в области шелководства и каракулеводства.

За годы войны подвинулось также индустриальное развитие Узбекистана. Значительно увеличилась добыча нефти, угля, различных металлов. Появилось много новых фабрик и заводов; электрофикация страны развивается усиленным темпом. Бесперывно строятся новые гидростанции, и среди них

Фархадстрой будет одной из самых мощных в Советском Союзе.

В Ташкенте недавно открылся Северный канал. И не только целое Узбекское море (Ката-Курганское водохранилище), орошающее поля Самарканда и Бухары, выросло из под земли, но изменилось даже вековое русло Сыр Дарьи, обильные воды которой мчатся теперь вдоль миллионов гектаров возрожденной почвы. В этих местах готовится рождение «Советской Калифорнии».

Заодно с экономическим, сильно изменился и культурный облик Узбекистана. Ликвидация неграмотности, которая еще четверть века тому назад охватывала 95% населения, почти закончена. В 1942 г. 900.000 школьников обучались в 4.500 элементарных, средних и других узбекских школах, в которых 35.000 учителей — большей частью узбеков — вели преподавание на родном языке.

В 1940 г. в стране, помимо десятков различных «техникумов», числилось 33 университета, из них «Средне-Азиатский», крупный научный центр в Ташкенте, к началу войны насчитывал до 10.000 студентов обоего пола. Кроме двух Медицинских Институтов (больше 20.000 врачей), в Узбекистане имеются еще разные научно-исследовательские пункты, до 20 музеев и около 1.500 библиотек. В самых отдаленных кишлаках можно найти не только Пушкина, Толстого, Шолохова и Шевченко, но даже Шекспира на узбекском языке. В стране выходят сотни газет и журналов, имеются союзы местных поэтов и писателей и растет число композиторов. Государственный Филармонический Оркестр популяризирует произведения классической, равно как и новейшей музыки. И стоя во главе полсотни других узбекских театров, на весь Союз славится Государственный Узбекский Оперный Театр в Ташкенте, создавший также свой особый, национальный балет. Тамара-Ханум, «звезда» и идеолог этого единственного в своем роде балета, традиции которого уходят в глубь веков, является также и основательницей Государственной Балетной Школы. В школе этой обучается уже второе поколение юных узбечек — будущих Тамар.

Женщины, которых в Узбекистане угнетали еще больше, чем в какой-либо другой стране Ислама, давно уже покинули свои «ичкары» — гаремы. Уже давно они сбросили с себя

тяжелые, мрачные «паранджи», закрывавшие их с головы до ног.

И было время, когда тысячи этих восточных невольниц, пробуждаясь к новой жизни, разложили костры на причудливых, тесных площадях своих древних городов, и под звуки литавр, предавали неистовому пламени все платяные свои оковы, — символы рабского подчинения и жестокого насилия. В те памятные, мартовские (Интернационально-Женские) дни, дым клубами тянулся к безоблачной лазури средне-азиатских небес.

Это происходило в конце двадцатых годов. И — по невероятному совпадению! — через самое короткое время в самом сердце Европы, восьмидесятимиллионный народ «поэтов и мыслителей» на просторных площадях своих ультра-современных «культурных» центров тоже предал публичному сожжению... лучшие произведения мировой литературы.

Много простых неграмотных мусульманок понесли впоследствии «заслуженную» кару за свои преждевременные, дерзкие мечты о свободной жизни: погибли от рук своих мстительных властелинов. Но возврата к прошлому не было. Сейчас сотни тысяч узбечек, рука об руку с другими женщинами Советского Востока, самоотверженно работают на всех фронтах — промышленном, сельскохозяйственном и других, как и женщины всего СССР. Среди них имеются уже представительницы «новой интеллигенции»: директора фабрик, доктора, летчицы, агрономы, научные работники, писательницы, артистки, председатели колхозов и местных советов, активистки-делегатки и члены правительства, занимающие высокие посты. Выполняя знаменитый завет Ленина, все «кухарки», даже в Советской Азии уже «научились управлять государством».

Средняя Азия, «Райский Сад», колыбель человечества просыпается от долгого сна. В тех местах, где на заре истории далекие предки узбеков, туркменов, киргизов, таджиков и других туземцев, были творцами передовой по своему времени, богатой, многообразной культуры, как будто опять намечается нечто новое. Какой то «melting pot», вроде давно

уж существующего в Соединенных Штатах, какое то новое единение народов Европы и Азии, все яснее выявляющее свои черты на отдаленном востоке — откуда «Homo Sove-ticus», из-за Берингова пролива дружески протягивает руку своему ближайшему соседу «Homo Americanus».

Перемещение мировых культурных центров далеко еще не закончилось, о нем рано пока говорить. Но о том, какая в этом новом евразийском горниле в наши судьбоносные дни подрастает «смена», призванная участвовать в работе по устройству будущего «one world», об этом завтрашнем поколении ниже.

Больше двух десятков лет прошло со времени появления в свет когда то очень популярного в Советской России рассказа **А. Неверова** «Ташкент, город хлебный». В нем повествуется о 12-летнем голодном мальчике Мишке, из села Лопатино на Волге, который после смерти своего отца в 1921 г. остался только с прихварывающей матерью, да с двумя маленькими, «никудашными» братишками.

«Крепко задумался Мишка. Семья большая, а только он самый надежный. Отец так и сказал перед смертью:

— Ты, Миша, за хозяина будешь.

Вышел на улицу Мишка, мужики Ташкент поминают. Хлеб очень дешевый там, только добраться трудно. Туда 2 тысячи верст, оттуда 2 тысячи верст. Без денег нельзя: за билет надо платить и за пропуск надо дать.

Долго слушал Мишка, спросил:

— А маленьким можно туда?

Смеются мужики...

— Нет, Мишка, тебе придется дома сидеть. Подрости еще дюймов пяток, тогда поедешь.

А Мишка не верит мужикам...

Не выходит из головы Ташкент город хлебный. На глаз прикидывает: 2 тысячи верст — совсем недалеко. Сесть на чугунку — в 3 дня доедешь. А пропуск совсем не нужен. Увидят — мальчишка едет, скажут: «Не троньте, товарищи, это Мишка голодающий. Какая в нем тяга? Полпуда не будет

со всеми потрохами». Выгонят из вагона, на крыше два дня продержаться можно.

Увидел дружка своего Сережу, годом помоложе, обрадовался.

— Айда, двое с тобой!

— Куда?

— За хлебом, в Ташкент. Двоим веселее. С тобой чего случится — я помогу. Со мной случится — ты поможешь. Все равно не прокормимся мы здесь.

Сережа не сразу поверил.

— А если дождик пойдет?

— Дождик летом теплый.

— А если солдаты прогонят?

— Мы тихонько от них...»

Уговорил Мишка Сережку. Рассказал, как большой, настоящий мужик матери о своем решении, убедил ее.

...«Ножик складной отточил на кирпиче, отсыпал соли в тряпочку, крепко затянул узелок, чтобы не рассыпалась. Мать достала мешочек-пудовичек, положила заплату с обеих сторон.

— Одного то хватит, Миша?

— Давай два, из двух не вывалится. Может разные куски будут давать.

Вышел на двор, огляделся. Опять мужики на улице, — говорят про Ташкент; как в сказке, — про сады виноградные, пшеницу двух сортов. Цены невысокие. Рай!»

Сначала ехали на машине. Долго. Потом шли пешком. Терпели. Голодали. Сережка по дороге умер от тифа, а над Мишкой сжалился машинист Кондратьев, привез его в Ташкент и тем спас беспризорного мальчика от смерти. Но какое же ждало Мишку разочарование, когда он слез с паровоза!

«...На станции лежали мужики, бабы: пьяные, полуголые, черные от ташкентского солнца, больные, умирающие... Поглядел Мишка издали, подошел ближе, постоял, подумал: «Неужели и здесь хлебом нуждаются?!»

**
*

Сейчас картина, на фоне которой европейские дети появляются в Ташкенте, резко изменилась. «Беспризорные» —

жертвы хозяйственной разрухи и голода, порожденных первой мировой войной количество которых в 20 гг. исчислялось миллионами, еще до конца 30 гг. постепенно «ликвидировались» Советским правительством. Многие из них со своей «путевкой в жизнь» успешно вышли в люди, занимают ответственные посты, сражаются в первых рядах Красной Армии. В результате второй мировой войны, их место заняли миллионы несчастных детей, с иного рода биографией. Это — большей частью сироты, дети убитых фронтовиков и партизан; дети уничтоженного, увиденного в рабство гражданского населения, или же дети, во время эвакуаций, бомбардировок, осады городов, потерявшие родных, оставшиеся без крова, словом, дети пережившие «горе недетское».

Когда летом 41-го года немцы ворвались в пределы Советского Союза, из прифронтовой полосы немедленно же вглубь страны эвакуированы были сотни тысяч детей, размещенных в тысячах новооткрытых детских домов. Но так как невозможно было сразу же удалить всех детей из зон, подверженных опасности, то многие из них погибли: умерли с голоду, замерзли, были сожжены, искалечены, замучены... Позже, ко времени постепенного освобождения занятых областей, множество одичавших человечков спасено было «добрыми дяденьками» — красноармейцами.

Забота об осиротевших детях настолько взволновала и всколыхнула всю советскую общественность, что сейчас дело это уже стало всенародным. Над ним «шефствует» весь Советский тыл — все колхозы, фабрики, заводы, учреждения, школы и т. д.; оно горячо поддерживается целыми частями Красной Армии, а также отдельными бойцами и командирами. **«Для детей должно быть сделано все необходимое, несмотря на трудности военного времени»**, писала «Правда» летом 1943 г., «наша священная обязанность сохранить детей, золотой фонд родины, ее будущее. За это будущее, за счастье детей проливали кровь на фронте Отечественной Войны их отцы и братья...»

Но уже в первые месяцы войны, главным образом, по почину **Елены Овчинниковой**, работницы фабрики «Красный Богатырь» в Москве, матери пятерых детей, возникло еще и другое, массовое движение под лозунгом: **«Возьмем их всех к себе! В нашей стране не должно быть сирот!»** Клич этот

гулким эхом разнесся по всему СССР, и движение скоро приняло почти стихийный характер. Одно время этих обездоленных «маленьких старичков» советские семьи стали брать на воспитание чуть ли не на расхват. Нередко семьи забирали по несколько детей сразу. Были и такие, которые интересовались только больными, уродливыми, изувеченными детьми, потому что «здорового, миловидного ребенка каждый без того возьмет». **Агния Барто**, советская поэтесса, чутко прислушивающаяся к детской душе, рисует следующую картинку:

Мой братишка.

У меня братишка новый,
Новый братик лет пяти.
Он сказал мне:
«Я приехал!
Буду здесь теперь расти.»

Я забавного такого
Не встречала малыша.
У него в руках тетрадка,
Два моих карандаша.

У него в тетрадке пушки,
По две с каждой стороны.
Я спросила:
Ты откуда?»
Он ответил:
«Я с войны.

На войне летели пули
У меня над головой,
А потом вернулись наши,
Оказалось — я живой.»

Я забавного такого
Не встречала малыша,
Положил он под подушку
Два моих карандаша.

Он сказал: «Спокойной ночи!
 Потеплей меня укрой,
 Оставайся, если хочешь,
 Навсегда моей сестрой!»

Особенно горячо на призыв откликнулись средне-азиатские народы, возглавляемые передовыми, энергичными узбеками. Тысячи туземцев взяли в свои семьи, для того чтобы воспитывать наравне со своими родными детьми, сотни курносых, голубоглазых, светловолосых ребят русского, белорусского, литовского, польского, латышского происхождения, так же, как и чернобровых, темноволосых малышей — украинцев, евреев, молдаван.

До начала 1943 г. в Узбекистане, главным образом в Ташкенте, размещено было около ста тысяч детей из Европы. Но какая разница между приемом, оказываемым этим пришельцам и тем, какой встретил, приблизительно, четверть века тому назад «беспризорный Мишка»! Теперешних Мишек, прибывающих организованными группами, принарядившийся Ташкент встречает, как желанных, дорогих гостей. Об их распределении заботится специальная комиссия, руководимая главой узбекского правительства и его заместительницей, **Е. П. Пешковой, вдовой М. Горького.**

«Мы не только распределяем ребят по детским домам и яслям, но и среди народа», рапортовала Пешкова по радио в декабре 1942 г. «Должна сказать, что наше обращение к узбекам брать на воспитание детей имело невероятный успех. Пример подали крупнейшие государственные и общественные деятели Узбекистана. В Ташкенте и во всем Узбекистане тысячи семей взяли к себе приемышей».

3.000 детских домов в Узбекистане тоже приютили в своих стенах десятки тысяч осиротелых детей, на содержание которых узбекское правительство ежегодно ассигнует 100 миллионов рублей. Кроме того, созданы специальные «фонды» для эвакуированных детей, и многие из них взяты на воспитание различными организациями, союзами и другими коллективами. Такого рода «групповые родители» нередко обмениваются с детьми как письмами, так и визитами. Некоторые колхозы ташкентского сельского района, в свою очередь, обязались коллективно воспитывать детей. Янгиюльские колхозники заранее

даже отремонтировали помещения, припасли для каждого ребенка кроватку, новое стеганое одеяло, простыни, под'одеяльнички, полотенца и наволочки, заготовили склады продуктов, и прикрепили учителей и учительниц к каждой группе школьников.

Созданный в Ташкенте еще в ноябре 41 г. Комитет Помощи Детям, при непосредственном участии отделов народного образования, не только проверяет, как живут и воспитываются все эти дети, но способствует также поступлению старших из них в ремесленные школы и устраивает подростков на работу. Помимо этого, в Ташкенте, как и во всем Узбекистане, созданы еще специальные «фонды для воспитания», и тысячи детей ежегодно кормятся в специально для них устроенных столовых.

В Узбекистане провозглашен был свой собственный пароль: «Ни одной узбекской семьи без эвакуированного ребенка!» Тысячи людей самых разнообразных профессий откликнулись на этот зов. Наплыв был такой большой, что многим приходилось стоять в очереди.

В своей брошюре «Дети и Война» Корней Чуковский («дядя Чукоша»), один из самых популярных детских писателей Советского Союза, описывает некоторые сцены в ташкентских учреждениях, ведавших распределением приезжих малышей, свидетелем которых он был в 1942 г.:

«Осанистая женщина торопливо вошла в комнату и словно в лавке, ни к кому не обращаясь, сказала:

— Здесь выдают детей?

— Как будто дети керосин или мыло. Мне понравилось ее нетерпение. Видно было, что ребеночек нужен ей до зарезу, — не завтра, а сегодня, сейчас! Она даже рассердилась, когда ей сказали, что здесь детей для нее не имеется, что она должна пойти в Наркомпросс, получить какую-то бумажку, побывать в детском доме и вообще потерпеть с этим делом до завтра.

— Не могу я, — сказала она. — Ведь я уже и воду вскипятила (очевидно для того, чтобы выкупать маленького).

Другая женщина, — продолжает Чуковский, — приехавшая из Термеза специально, чтобы получить в детском доме двух четырехлетних детей, — если можно мальчика и девочку, была страшно огорчена, когда ей сообщили, что ей придется

подождать до понедельника, ибо четырехлетних детей уже расхватили другие.

— Так долго! — вздохнула она. — Ведь сегодня всего лишь суббота.

Как будто от субботы до понедельника по крайней мере год или два.

— Я хотела купить им в универмаге костюмчики и, знаете, пуховые береты... А завтра, боюсь, этого товара уж не будет.»

Спрос на малышей в Ташкенте оказался так велик, что во многих пунктах не хватило четырехлетних ребят. Поэтому дальше узнаем, что «в канцелярии 14-го детского дома несколько дней с утра до вечера звонил телефон, и секретарь терпеливо повторял в телефонную трубку: — Все разобраны. Вы наведайтесь опять... через день... через два... Позвоните на будущей неделе. Ожидается новая партия.»

Узбекские школьники также принимают пылкое участие в своих прибывших издалека гостях: они не только дарят им свои игрушки, но и настаивают на том, чтобы домашние взяли их к себе. В силу всего этого, в Узбекистане трудно найти бездетную семью, но зато многодетных есть изрядное количество. Как пример возьмем семью ташкентского кузнеца Ахмета Шамахмудова, которая бесспорно является одной из самых необыкновенных в мире. У него воспитывается полный Интернационал: двое русских ребят, украинец, белорус, еврей, латыш и татарин, в возрасте от 3 до 14 лет; он сам и его жена — узбеки. До войны эта пожилая чета была бездетна.

Сейчас Ахмет вынужден усиленно работать, чтобы прокормить свою большую семью. Жена его, Бахры, с детьми следит за садом, где вся семья собирается по вечерам, чтобы послушать узбекские сказки приемного отца (все дети уже говорят по узбекски). Когда Ахмета спрашивают, не слишком ли тяжела для него такая жизнь, он, улыбаясь, отвечает: «Нет, нисколько. Любовь может даже горы сдвинуть. Теперь война, и каждый из нас должен помогать, чем может».

Не менее интересно отношение детей к их новому окружению. Об этом рассказывает Лидия Чуковская:

— Знаете? Наша Валя **в дети ушла**, — такими словами часто встречают гостей ребята из детского дома. Или: — Вы слышали? Нашу Марусю **в дети взяли**.

Это — терминология, созданная ташкентской действительностью. Павлик превратился в Камеля. Ему нравится новое звучное имя. На всех школьных тетрадях старательно выведено «Тахиров Камель» («Родных у меня убили», говорит Павлик, «враги. Теперь у меня папа и мама — вот»).

Майка Лопатова посадила ирисы в саду. «Мне здесь, в Узбекистане, сильно нравится», говорит она. «Конечно, и у нас на севере хорошо, но там все же нет таких больших и толстых цветов, как здесь».

Больше всех повезло Тане Айзенберг: мать ее, которую она в последний раз видела в горящем поезде и считала погибшей, успела все-таки спастись, и прочитав в газете об одном детском доме в Ташкенте, где упоминалось имя ее дочки, приехала, чтоб взять ее к себе. Это был там уже 36-ой случай нахождения потерявших друг друга родных.

Но как бы детям ни жилось в Узбекистане, десятилетние из них, по мнению Л. Чуковской, вряд ли когда-нибудь забудут свои родные места. Они постоянно вспоминают о своих речках, полях, березках, рощах и не перестают спрашивать: «Скоро мы поедem домой?»

Среди сотен тысяч детей различных национальностей в Узбекистане находится также группа испанских девочек, которые за свою короткую жизнь уже два раза пережили эвакуацию: сначала из Испании в Москву, а потом из Москвы в Ташкент. Они работают в швейных мастерских в Коканде — плечом к плечу с узбекскими и русскими женщинами. Многие из них прекрасно говорят уже по русски и полюбили солнечный Узбекистан. И хотя они все еще очень молоды, им хорошо известно, что такое фашизм. «Здесь мы все душой и телом работаем для фронта», заявляет одна из этих юных испанок, — Рамона Санта Эйлалиа, покинувшая Барселону, когда испанские фашисты проникли в предместья города, а мать ее, взятая заложницей, была повешена. «Мы гордимся нашей второй родиной!»

Перемещение центров мировой культуры далеко еще не закончено. Но будущий «one world» уже готовится: не только дети народов восточной Европы, но даже дети Испании — крайнего ее запада, после тысячелетней разлуки, возвращаются к «колыбели человечества», припадают к груди Праматери Азии.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Раскаты мировой войны все грознее предвещают гибель фашистского триумvirата, и все политики и политиканы, гангстеры от журнализма и новоиспеченные «историки» интенсивно занялись разгадкой русского сфинкса. Комментаторы бульварной прессы и прилично консервативных больших газет стремятся создать абсолютно ложное представление о русской внешней политике, рисуя ее агрессивной, фальшивой и лицемерной. То они обвиняют Советы в желании заключить сепаратный мир с Германией, то без стеснения заявляют, что Россия имеет тайное соглашение с Японией. Когда эти гнусные обвинения, не выдерживающие никакой критики, опрокидываются самой жизнью, они прибегают к тайному оружию своего арсенала: запугиванию большевистской революцией, готовой разбить устои капиталистического строя, и советским империализмом, угрожающим консолидации мира.

Часть американских близоруких политиков, видящая в Европе, разделенной на ряд мелких государств, потенциальный рынок для разросшейся промышленности США, выброшенные из седла представители пограничных с Советами прибалтийских государств и потерявшие всякое понятие о достойном отношении к своей бывшей родине эмигранты правых и левых оттенков отплясывают свой вальпургиев танец вокруг обескровленного тела России.

Но никакое тенденциозное извращение исторических фактов не в состоянии затмить элементарной правды, что русская внешняя политика с момента прихода к власти Советов всегда преследовала мирные цели. Даже сумбурный Троцкий, в самом начале переговоров с Германией в Брест-Литовске, инстинктивно сдавая свою революционную романтическую концепцию о перманентной революции, от имени Советов предлагал Антанте прислать своих делегатов, с целью создания мирной обстановки в Европе. Два раза советская делегация затягивала русско-германские переговоры, в надежде убедить франко-англо-американский блок принять участие в

мирной конференции и этим создать противовес германской захватнической политике.

«Известия» патетически обращались в Вашингтон за помощью: «Соединенные Штаты в собственных интересах не могут позволить Германии превратить Россию в германскую колонию, а скорее нуждаются в экономически и политически независимой России, в особенности, если принять во внимание противоречие интересов Северной Америки с одной стороны и Германии и Японии с другой».

Но на этот горячий призыв не последовало никакого отклика, и советскому правительству ничего не оставалось, как принять германские условия.

Американский военный агент, полковник Робинс, с грустью описывает в своих мемуарах, как он сидел на ступеньках платформы, во время критического заседания ЦИК'а С'езда Советов. Ленин подозвал его и спросил, не имеется ли новостей из Вашингтона. Полковник Робинс ответил:

— Никаких.

Получивши такой же ответ от представителя английского правительства, Ленин обратился к присутствовавшим на С'езде:

— Теперь я буду стоять за ратификацию мирного договора.

Это было 16 марта 1918 года.

Так началось игнорирование русских интересов Большой Антантой и изолирование России на мировой арене. События развивались ускоренным темпом. Занятие Мурманска, Архангельска, выступление чехословаков, официальное заявление американского посла Фрэнсиса о его готовности поддержать любое военное движение против большевиков. Давление, оказанное на президента Вильсона маршалом Фошем в Верховном Союзном Военном Совете в пользу вмешательства в русские дела. Все это вместе породило естественное недоверие и даже озлобление в советских правительственных кругах и в массах по отношению к Антанте.

Под флагом создания нового фронта против Германии, союзные войска высаживались в самых различных частях русской территории, от Мурманска до Владивостока, и немедленно же становились в ряды анти-большевистских отрядов. Япония, доведшая численность своего десанта до 70.000 человек,

на Дальнем Востоке и в Сибири опиралась на таких авантюристов, как атаман Семенов и полковник Калмыков, которых даже командующий американским отрядом в Сибири генерал Грэйвс называл бандитами и разбойниками. Страна Восходящего Солнца уже видела во сне Восточную Сибирь под скипетром микадо, а разношерстные монархические организации и внезапно вынырнувшие генералы, от Юденича до Врангеля, так «удачно» сражавшиеся с немцами, впились в больное тело России, и с чьей угодно помощью пытались загнать измученную, истощенную страну в яму реставрации.

Так «союзники» с самого начала второго периода русской революции, поддерживали гражданскую войну и контрреволюцию. Россия была брошена в пучину войны, внутренней и внешней. Американский посол Фрэнсис призывал союзников занять Петроград и Москву.

Хотя Германия уже выдыхалась и запросила мира, союзники, которые раньше обосновывали свое вмешательство в русские дела необходимостью создать анти-германский фронт на русской территории, открыто повернули в сторону анти-большевистского фронта. И если в этой аванюре они не оказались победителями, то только потому что не нашли никакой поддержки в своих армиях. Утомленный мир рвался к отдыху. На Дальнем Востоке агрессивная японская политика показывала свои хищные когти. Государственный секретарь Лансинг, в письме от 18 августа 1918 года предупреждал Вильсона, что Америка начинает терять контроль над событиями в Сибири и на Дальнем Востоке, где японцы провоцировали партизанские восстания, с целью создать перманентный хаос на русских подступах к Тихому океану и тем оправдать окончательную японскую оккупацию.

В это время мирная конференция заседала уже в Париже. Все протесты Чичерина против явного насилия и вмешательства во внутренние русские дела игнорировались. Союзники продолжали поддерживать гражданскую войну.

Несмотря на это враждебное отношение к центральному русскому правительству, 12 января 1919 года Чичерин опять попытался возобновить переговоры о мире, обратившись к Соединенным Штатам с предложением выбрать место и время для общей конференции. С падением Германии нельзя было больше оправдываться стратегическими мотивами. Ма-

ска была сброшена. Большевистское правительство подверглось остракизму, как правительство социального переворота. Такой умеренный и авторитетный историк русско-американских отношений, как Фостер Реа Доллс в своей книге «Путь к Тегерану» должен был согласиться, что союзники не хотели признать Советов и боролись с ними, как с врагами капитализма, в надежде на победу белых.

А Клемансо, на собрании «мудрых» государственных деятелей в Париже, не придумал ничего более мудрого, как устройство санитарного кордона вокруг России и усиления ее блокады. Франция отказалась допустить Россию на мирную конференцию. Тогда Вильсон предложил остров Принкипо, как место конференции для всех *de facto* правительств в России. Советы немедленно акцептировали это предложение. Но все контр-революционные правительства южной России, Сибири и Архангельска наотрез отказались. Представители белой России, которые сами занимались погромами и грабежами, не хотели сидеть за одним столом с большевиками, под предлогом, что считают их разбойниками. Верховный Совет в Париже, поставленный этим отказом в тупик, не делал больше никаких попыток дать России возможность быть прямо или косвенно представленной на мирной конференции. Так, несмотря на все протесты Вильсона, который предлагал немедленно покончить с интервенцией и отозвать все союзные войска из России, англо-французскому блоку удалось совершенно изолировать Советы.

Перепуганная Англия послала специального делегата в Париж, в лице... Винстона Черчила, от имени своего правительства не только наложившего вето на это предложение, но и потребовавшего усиления союзных десантов в России и более активной поддержки анти-большевистских правительств. Американцы не сдавались и поспешили отправить Вильяма Буллита, с секретной миссией в Москву. На совещаниях с Лениным, Чичериным и Литвиновым ему были предложены следующие пять пунктов. 1. Немедленное перемирие между всеми воюющими группами на территории России, с правом для народа определить формы своего будущего строя. 2. Отзывание всех союзных войск из России. 3. Общая амнистия для всех военнопленных. 4. Признание правительств существующих *de facto* на русской террито-

рии. 5. Пропорциональная ответственность в уплате иностранных долгов. Буллит вернулся с убеждением, что советское правительство является единственной конструктивной силой в революционной России, и что только иностранные штыки могут бороться за реставрацию капитализма в ее пределах.

Париж наотрез отказался рассмотреть предложения большевиков, так как в это время белые одерживали военные победы.

В ноябре 1918 года Колчак об'явил себя диктатором анти-большевистского правительства и двинулся к Волге. Параллельно двигались Юденич и Деникин. Союзники немедленно начали усиливать помощь Колчаку, а Вильсон, получивший обещание от последнего сохранить свободу в России и уплатить иностранные долги, присоединился к союзным премьерам. Ставка союзников на Колчака провалилась. В 1920 году он заплатил своей головой за безумную попытку с помощью иностранных штыков вернуть Россию к старым устоям.

Так провалился сибирский фронт и интервенция на востоке. Оставался еще крымский фронт с бароном Врангелем, пользовавшийся сильной поддержкой Франции.

Но ни одно европейское правительство не хотело признать Советы. Союзники не могли сговориться на общей русской политике, а Россия выправлялась и становилась мощным политическим фактором. Народные массы не поднялись против Москвы при появлении союзных войск, выступивших против советского правительства. Прямо и косвенно, союзники воевали против Советского Союза и сыграли свою роль в хаосе и анархии, прокатившихся от украинских степей до тихоокеанского побережья. Интервенция посеяла боязнь перед капиталистическим окружением, такую же сильную, как в Западной Европе боязнь перед угрозой коммунизма.

Тем временем поляки вторглись в Россию, и в Европе опять засуетились приверженцы интервенции. Итальянский посол в Вашингтоне обратился с запросом к американскому правительству относительно его намерений. Соединенные Штаты заняли нейтральную позицию, хотя идеологически оставались враждебными Советам. Россию толкали на сбли-

жение с Германией, подвергши ее строгому карантину и не признавая Советы государственной властью. Их заставили искать сближения с другим изолированным правительством — с немецким.

В 1921 году, председатель Союза Калинин, по случаю избрания Гардинга в президенты Соединенных Штатов, обратился через бывшего тогда послом в Эстонии Литвинова с поздравлением, выражая надежду, что новое американское правительство не будет продолжать враждебной политики по отношению к России. Калинин просил американского президента принять во внимание взаимную пользу от возобновления торговых отношений, и надеялся, что Америка разрушит стену, воздвигнутую между Соединенными Штатами и Россией.

Государственный секретарь Хьюгс не замедлил ответить, что Америка не изменит своей политики и не будет отделять торговых отношений от политических. Так опять была отброшена попытка Советов сблизиться с сильнейшим членом анти-большевистского мира. России предлагалось восстановить принцип частной собственности и перед ее голодными глазами разворачивали картины возможной помощи, в случае если она свою внутреннюю политику сделает конформистской, с точки зрения капитализма. Это однако не мешало Соединенным Штатам относиться реально к своим интересам. Они понимали необходимость русского политического фактора в Европе и Азии. До 1922 года Соединенные Штаты не признавали территориального расхищения России. Так, Вильсон отказался от признания независимости Латвии, Эстонии и Литвы, и зорко следил за японскими хищниками, готовившимися проглотить Дальний Восток. И надо отдать должное президенту Вильсону; он понимал, что захват дальневосточных провинций Японией, в основе нарушит равновесие на Тихом Океане. В интересах Соединенных Штатов — сильная Россия на берегах Тихого Океана, независимо от того, какие политические формы она себе изберет. На Вашингтонской конференции, Соединенные Штаты потребовали чтобы Япония очистила занятые ею русские провинции на Дальнем Востоке.

Но к советскому правительству Соединенные Штаты

относились все еще враждебно, и даже на конференции в Генуе стояли за недопущение России в круг держав, решающих судьбы мира.

Европа успела уже войти в стадию крайнего напряжения, вызванного экономической разрухой. Германия занималась разжиганием страстей между союзниками, мечтая только о том, чтобы выиграть время для военного реванша. Она запугивала капиталистический мир призраком социальной революции и нагло требовала, чтобы ее признали оплотом против большевистской опасности. И доминировавшие консервативные круги в англо-франко-американском блоке на эту удочку попались. Своим главным врагом союзники продолжали считать Советскую Россию, которая фактически стремилась только к миру и к восстановлению своего разрушенного хозяйственного аппарата. Союзники, в интересах Германии, вели анти-советскую политику, завершившуюся теперешним мировым конфликтом. Вооруженная интервенция Антанты, экономическая блокада России, захват Польшей, Румынией и Турцией русских провинций, попытка отделения Грузии, Азербейджана и Армении от России, под флагом создания независимых правительств, помощь белогвардейским генералам, образование санитарных кордонов из прибалтийских провинций, отдача Польше части Украины и Белоруссии, попытки образования единого анти-советского фронта на дипломатических конференциях в Каннах, Генуе и Гааге, — вот та многогранная призма, которая отражает полностью отношение Антанты к России. На Генуэзской Конференции Советская Россия предложила созыв всемирного конгресса для экономического восстановления мира и развернула программу сотрудничества новой России с капиталистическим миром. Но Европа продолжала бойкотировать Советскую Россию и с презрением отвергла протянутую руку. Так союзники оставили России выбор: или задохнуться, или искать прорыв анти-советского фронта.

Начался вальс с Германией: другие танцоры не принимали приглашения. Рапальский договор между Россией и Германией действительно вызвал переполох в рядах Антанты и заставил ее пересмотреть свою русскую политику. Ей уже казалось, что Германия захватила в свои руки торговлю

с огромным русским рынком; ей уже мерещился призрак политического союза между двумя гигантами. Этим шагом Советы заставили европейскую часть Антанты отказаться от изоляции России. В течение 1923-1924 годов Англия, Франция и Италия признали Советскую Россию. Конечно, для Германии Раппальское соглашение было только предложением для шантажистской политики в Европе. Как сознался Штреземан в своем письме к кронпринцу, от 9 июля 1925 г., Германия получала надежду на исправление своих восточных границ, на отмену версальских обязательств и благоприятное разрешение репарационных вопросов. Германия надо было оторвать от России, и пугало советско-германского соглашения сыграло свою роль. Угроза Штреземана английскому послу д'Абернону 5 марта 1925 года об образовании коалиции с Россией в случае твердой политики по отношению к Германии подействовала, и Локарнский договор явился на свет божий. Установленный им статус кво в Западной Европе развязал немцам руки на востоке. Германия становилась равноправным участником европейского концерта. Как Гитлеру, шантаж удался и Штреземану. А для Советской России начались дни полные тревог. Через год Германию ввели в Лигу Наций и сняли с нее военный контроль. Дипломатия союзников, под давлением промышленных и финансовых кругов, шла на все уступки. С Германии скоро снимают значительную часть репарационных обязательств, и в 1932 году, в Лозанне, окончательно ликвидируют эту контрибуцию.

Так англо-французский блок переманивал на свою сторону Германию, в надежде создать из нее анти-большевистскую цитадель, а немцы в это время лавировали между Англией и Францией, разжигая в своих интересах соперничество между ними. Англия торжествовала победу. В Локарно ей удалось ввести Германию в Европейский ареопаг.

— Теперь нет больше союзников! — восклицал Чамберлен.

А французы спешили в Эссен, куда они делегировали председателя *Comité de Forges* для установления контакта с германской промышленностью.

В 1926 году был заключен Стальной пакт, а три месяца спустя — Железный Пакт.

Англия спешила с предложением помощи от лондонского Сити, на все лады расхваливая ее выгоды. Чтобы наказать французов за проявление самостоятельности в переговорах с Германией, английская дипломатия начала заигрывать с Муссолини. В начале декабря 1925 года Остин Чемберлен имел в Раппало закрытое совещание с Муссолини, на котором Англия согласилась предоставить Италии ряд экономических и политических позиций в Абиссинии. В 1926 году Англия пошла еще дальше навстречу Италии в вопросе уплаты военных долгов и помогла заключению договора дружбы между Испанией и Италией. Франция заволновалась. Французская печать начала бить тревогу, заподозрив Англию в желании подтолкнуть Италию на путь захвата французских колониальных владений. В ответ она поспешила заключить договор с Румынией, санкционировавший аннексию Бессарабии. Польша и Румыния возобновили свой военный союз, направленный еще раньше против России. В то время, как Советская Россия в период между 1924 и 1927 годами заключила ряд международных дружественных договоров с Китаем, Турцией, Германией, Ираком, Ираном и Афганистаном, Англия опубликовала Белую Книгу фальшивых документов, с целью скомпрометировать деятельность советских представителей в Англии. 27 мая 1927 года Чемберлен послал России ноту о разрыве дипломатических сношений. Англо-русский торговый договор расторгался. В Варшаве 7 июня того же года произошло убийство советского посла Воейкова. Погоня за вооружением двигалась гигантскими шагами. Общественное мнение встревожилось.

Советы предложили заключить международную конвенцию о всеобщем разоружении. Это предложение было встречено полным недоверием. Хотя Советский Союз и не был приглашен к участию в переговорах о пакте Бриан-Кэллог, он все же принял предложение подписать его.

Начавшийся в 1929 году, экономический кризис, с быстрой урагана, захватывает одну страну за другой, и международная обстановка все больше и больше обостряется. В Неаполе Муссолини грозно требует пересмотра мирных договоров, а на Дальнем Востоке все спорные вопросы уже решаются мечом.

Один из идеологов японского империализма Танака, в

своем меморандуме на имя микадо, опубликованном в сентябре 1931 года, призывал к войне за новый передел мира.

Вашингтонский договор «девяти» японцы сдавали в архив; империя микадо уже готовилась к вооруженному захвату огромных территорий на юго-востоке Азии и в Китае.

В ночь на 19 сентября 1931 года японские войска ворвались в Манчжурию. Что делала в это время союзная дипломатия? Англия договаривалась с Японией о разделе Китая на сферы влияния. Таймс писал в 1932 году, что Китай не представляет собой цельного государства. В 1933 году Остин Чемберлен выступил с бессмысленным обвинением Китая в провокационном отношении к Японии. А английский премьер сознавался в своих симпатиях к Японии. Фактически Япония издевалась тогда над европейскими миротворцами. Она спешила развязать себе руки и заявила о своем выходе из Лиги Наций.

Так запылал мировой пожар, первые искры которого сыпались на русские дальне-восточные границы.

Германия незамедлила последовать примеру Японии и 6 октября 1933 года тоже вышла из Лиги Наций. Варварские легионы Гитлера уже владели Германией, а «наивные» или ограниченные политики Англии и Франции заверяли, что с Гитлером можно сговориться. Лондонский Таймс писал, что сохранение в кабинете Гитлера такого опытного министра иностранных дел как фон Нейрат гарантирует преемственность внешней политики Германии. Американская широкая пресса повторяла, что в дипломатических кругах Вашингтона правительство Гитлера не возбуждает серьезных опасений. Гитлер усыплял Западную Европу и утверждал, что внимание Германии обращено на восток, что ее жизненное пространство обретается на востоке. Там рынки Германии. Там гитлеровские легионы уничтожат большевистскую гидру, единственную угрозу для капиталистического мира.

Муссолини уже выдвигал свой Пакт Четырех, который должен был стабилизировать мир в Европе, вручив Англии, Франции, Италии и Германии ключи к европейскому счастью. Английский премьер Макдональд помчался в Рим, и 7 июля 1933 года пакт был подписан.

Но Франция почувствовала, что Италия обошла ее стратегически. Это был тяжелый удар по всей системе друже-

ственных и союзных договоров французской Республики. Малая Антанта была брошена в жертву Германии и Италии, а Россия — изолирована от участия в Европейском концерте.

Заметалось и польское правительство, и чтобы предупредить надвигающуюся опасность, 26 января 1934 года заключило десятилетнее соглашение с Гитлером. Оба правительства обязались не прибегать к силе при разрешении своих конфликтов и клялись в прочной дружбе.

Европа принимала «мирный» вид, и в тоже время без оглядки бросалась в водоворот военных приготовлений. Советская Россия учла надвигающуюся опасность, и всю свою внешнюю политику направила в сторону заключения пактов о ненападении.

Франция почувствовала ослабление своих связей с Малой Антантой и Польшей, и очутившись между такими хищниками как гитлеровская Германия и фашистская Италия, начала искать новых опор. Так возникла идея нового русско-французского сближения, нашедшая талантливое защитника в лице Луи Барту, последнего из плеяды больших государственных деятелей эпохи Третьей Республики.

Но Ось не дремала, и группа Анте Павелича, жившая на иждивении Муссолини в Италии, убила Барту. Попыткам Франции завязать с Россией союзные отношения наносился тяжелый удар.

Преемник Барту, Лаваль, в январе 1935 г. заключил соглашение с Муссолини, славши выгодные стратегические позиции в районе Джибути и предоставивши дуче свободу действий против Абиссинии. Гитлеру же он сделал королевский подарок: Саарскую область.

Гитлер не медлит. Он вводит воинскую повинность и начинает чувствовать себя хозяином.

Общественное мнение Франции встревожилось и заставило Лаваль подписать 6 мая франко-советский пакт о взаимопомощи. Но перед своим отъездом в Москву Лаваль поспешил заявить германскому послу в Париже, Вельчеку, что подписание этого договора ничуть не исключает наитеснейшего франко-германского сотрудничества.

На обратном пути из Москвы, в Варшаве, Лаваль заверял Бека, что в действительности Франция не рассчитывает

ни защищать большевиков, ни получать помощи от них. Лаваль дал понять Беку, что пакт для него — лишь орудие для сближения с Германией.

Когда английский посол в Париже Кларк сообщил Лавалю, перед его отъездом в Москву, что английское правительство боится, как бы пакт с Россией не вовлек Францию в войну с Германией, Лаваль дал ему те же заверения. Но английские консервативные круги подняли крик, что в Европе усиливается большевистское влияние; от правительства требовали немедленных переговоров с Германией. Фон-Рибентроп приехал в Лондон, был принят с большим радушием и получил согласие на увеличение германского флота почти до размеров французского. Даже с национальными интересами Англии переставали считаться, так как Гитлер становился союзником в борьбе против советской заразы.

События разворачивались с головокружительной быстротой. Англия и Франция отдали беззащитную Абиссинию на съедение итальянскому фашизму. Японские войска бесконечным потоком вливались в Китай. Германия расторгла локарский договор и ликвидировала демилитаризованную рейнскую зону. Итало-германская интервенция добивала испанскую республику и бросила миллионы испанцев под сапог диктатуры Франко. Международные гангстеры оси набрасывались на беззащитные государства. Присоединение Австрии к Германии, расчленение Чехословакии и захват всей ее территории войсками Гитлера, взятие Албании Италией, — все это подготавливало вторую мировую войну.

В Мюнхене Гитлер достиг апогея.

«Отныне мир обеспечен на целые поколения!» возвестил Чемберлен, выходя из аэроплана. И только умудренный опытом Черчилль драматически предупреждал Англию, что она должна сделать выбор между войной и позором. Ее министры выбрали позор, но лишь затем, чтобы потом получить войну.

Советская Россия была против Японии в японо-китайском конфликте, против Италии в абиссинской войне, против Франко в испанской контр-революции и против Германии даже после вторжения Гитлера в Чехословакию. Советская Россия отказалась признать законность насильственного включения Чехии в состав Германии.

И в Париже, и в Лондоне отлично сознавали, что советское правительство исполнит свои обещания поддержать Чехословакию в случае нападения со стороны Германии. В критические дни 27-28 сентября, накануне Мюнхена, Чехословакия знала, что Сов. Россия ее поддержит, если Франция и Англия ее защитят. Польское правительство получило официальное предостережение, что, в случае вступления польских войск на территорию Чехословакии, Советы признают это актом агрессии и расторгнут польско-советский пакт.

В Мюнхене Гитлер почувствовал, что трусливая англо-французская коалиция толкает его на восток. В его ушах уже звучали припевы гробовщиков Франции: «Не хотим умирать за Данциг! Франции нечего делать на востоке Европы! Россия это социальная зараза! Подальше от нее!» Им не снилось, что без России они обречены на гибель, и что Гитлер только и выжидает подходящего момента для того, чтобы вбить клин между Россией и Францией, — о чем он их не совсем элегантно предупреждал в своем «Майн Кампф».

Еще до Мюнхена вся гитлеровская политика была направлена к одному: не допустить франко-русского военного соглашения. Чехословакию справедливо называли ножом, направленным в сердце Германии.

Еще Бисмарк учил немцев, что тот, кто держит Богемию, господствует в Европе. Чехословакия была естественным аэродромом для русских и французских бомбовозов. Силезия, Рейнские провинции, Мюнхен, Вена, Берлин, Дрезден, Лейпциг попадали в сферу перекрестных бомбардировок. Россия могла быстро встать на защиту Чехословакии. Россия знала, что ожидает ее от гитлеровской Германии, и для нее военное соглашение с англо-французским блоком и Чехословакией было вопросом жизни и смерти.

Но в Мюнхене Франция и Англия открыли Гитлеру двери в богемскую крепость. Их эгоизм разрушил возможность франко-русского пакта. Только политические шарлатаны и невежды могут обвинять Россию в ответственности за ее соглашение с Германией.

Так, близкий к французским правительственным кругам бывший министр Пьер Кот вынужден признать в своей книге

«Triumph of Treason», что Советская Россия вела свою линию коллективных пактов с безупречной честностью.

После падения народного фронта, по признанию того же Кота, Франция давала понять, что она не принимает в серьез русско-французский пакт.

С занятием Боннэ поста министра иностранных дел, Франция начала придавать этому пакту форму тех «дружественных» договоров, которые ни к чему не обязывают. Несмотря на нависшую в 1938 г. угрозу над Европой, французская внешняя политика минировала почву под русско-французским пактом.

Тот же бывший министр авиации Кот свидетельствует о растущем саботаже этого пакта. Во время испанского конфликта Франция была на стороне Англии, т. е. против помощи республиканцам. Когда Европа докатилась до мюнхенской трагедии, Россию вообще исключили из сонма европейских держав, не допустивши ее даже до переговоров. А Россия была заинтересована в существовании Чехословакии в не меньшей степени, чем Франция, так позорно покинувшая свою союзницу. Франция свидетельствовала этим, что вопреки всем торжественным договорам, она никогда не будет сражаться против господства Гитлера на востоке Европы.

Через два месяца после Мюнхена Франция принимала фон Рибентропа и заключала с Германией соглашение, в корне менявшее всю французскую политику. Франко-германское сближение было фатально направлено против России.

Рибентроп заявил еще летом 1939 года, что Боннэ обещал ему даже в случае дальнейшей экспансии Германии на восток полный нейтралитет Франции. Только после начала второй мировой войны Боннэ стал отрицать эту интерпретацию франко-германского соглашения. Но все поведение Боннэ до и после Мюнхена доказало, что правда на стороне фон Рибентропа.

Уже в 1938 году франко-русский пакт был мертвой буквой, и Россия не могла питать никаких иллюзий насчет настоящих намерений Франции. После отказа Франции от защиты последнего бастиона в восточной Европе — Чехословакии, — для Советской России не было никакого сомнения,

что она больше не может рассчитывать на французскую поддержку. Как же после этого винить Россию за то, что она делала необходимые выводы из создавшегося политического имбролио и пыталась предотвратить надвигающуюся фатальную развязку.

Германия спешно заканчивала постройку линии Зигфрида. В начале 1939 года Россия уже знала, что французский генеральный штаб считает эти укрепления неприступными и не сумеет оказать существенной помощи в случае немецкого движения на восток. Что же оставалось делать советскому правительству? Продолжать наивно верить во франко-советское соглашение после Мюнхена и визита Рибентропа в Париж? Для Чемберлена, как премьера Англии, и для Бонне, как министра иностранных дел Франции, вопрос о помощи России был равносителен самоубийству, так как весь поворот англо-французского блока в сторону Гитлера был явным приглашением Германии продолжить ее движение на восток.

Советской России осталось либо аннулировать фактически мертвый франко-русский пакт, что дало бы Германии возможность атаковать Россию, либо же попытаться в последний раз повлиять на Францию угрозой пересмотра своих «союзов» и общего направления своей внешней политики.

Советы выбрали второй выход. Франция колебалась и, наконец, согласилась на переговоры, но при условии участия и Англии в новом военном соглашении. В Лондоне же в Форен офисе сидел не Черчилль, и не Иден, а апостол миротворец — лорд Галифакс. Пульс Европы бился с ужасающей быстротой. Гитлер проглатывал Чехию, а Муссолини — Албанию, шумно требуя Тунис, Ниццу и Савойю. А французская делегация плелась черепашьим шагом через Лондон... в Москву. Добравшись наконец туда в июле, французская делегация созналась, что не имеет никаких полномочий на заключение твердых соглашений, и что цель приезда, это обмен информацией.

Когда настал момент для обсуждения военных планов, русский генеральный штаб с ужасом увидел, что англо-французская делегация или не имеет никаких планов, или же скрывает их из недоверия к Советам.

После этой неудавшейся попытки договориться с англо-французами, а также ввиду надвигавшегося с молниеносной

быстротой нападения Гитлера на Польшу, Россия была поставлена перед дилеммой: быть атакованной Германией в худших условиях, или подписать русско-германское соглашение, которое обеспечивало бы временную передышку советскому правительству. Французское правительство было немедленно осведомлено Россией, что в случае отказа подписать военное соглашение с Советами, Россия вынуждена будет искать временного соглашения с Германией.

В течение всей зимы 1938-39 гг., французский посол в Берлине Кулондр требовал от французского правительства немедленного заключения военного договора с Россией, указывая на то, что это единственная возможность избежать русско-германского соглашения.

В Париже советский посол не скрывал своего беспокойства. Он несколько раз доводил до сведения французского кабинета министров о том огромном значении, которое советское правительство придает заключению франко-советского соглашения. Наиболее влиятельные члены кабинета знали через русского посла, что советы желают вместе с Францией защищать **коллективную безопасность**. Советский посол повторял: «Не заставляйте нас вашей политикой умиротворения Гитлера выбирать между вашей и нашей безопасностью». Но сдавши Чехословакию, Франция сбросила со счетов весь восток Европы и отдала его Гитлеру на сечение. Все русские призывы остались без ответа.

Quod Jupiter perdere vult dementat.

Ненависть к Советской России сделала многих французских политиков слепыми, если они не были продажными. Французская буржуазия приходила в ужас при мысли о настоящем соглашении с Сов. Россией и горела только одним желанием — поддерживать фашистский строй в Италии, Германии и Испании. В этом она видела гарантию своего существования. Ослепленная узкими интересами, она оказалась бессильной перед сложными проблемами внешней политики. Все французские фашистские организации от *Action Française* до *Croix de Feu* вербовали своих членов из высшей и средне-буржуазной среды. Все эти организации фактически гнали Францию к соглашению с фашизмом извне, так как фашизм внутри был их заветной целью. Французская буржуазия давно уже распрощалась с рационалистическим

наследием 18 столетия, и ее либерализм выродился в иерархически консервативную и авторитарную форму правления. **Ancien Regime** давно уже стал идеалом французской буржуазии.

Maurras и **Sorel** подготовили возрождение реакции и привели ее в объятия гитлеризма. Гитлера толкали на восток. Кто не помнит кампанию на страницах «Матэн'а» за возведение Василия Вышиванного на украинский престол? Что же оставалось делать ответственному правительству в Москве? Защититься, хотя бы на время.

Дипломаты уже чувствовали надвигающийся циклон. Американский посол в Брюсселе Дэйвис с тревогой в душе после Мюнхена писал Хопкинсу, с просьбой довести об этом до сведения президента Рузвельта, что чемберленовский мир оказался блефом, что инициатива перешла к оси и что английские и французские реакционеры подвергли Россию остракизму, толкая Советы к экономическому соглашению и идеологическому перемирию с Гитлером. Дэйвис указывал на средство избежать трагического развития событий: привлечь к себе Россию путем заключения с ней пакта коллективной безопасности.

Англия и Франция от этого отказывались. Политически они впряглись в колесницу Гитлера. С. Штаты в то время были далеки от Тегерана, где через пять лет Рузвельт, Черчилль и Сталин расстались друзьями «*in fact, in spirit and in purpose*».

В конце 18 века американский посол Фрэнсис Дана пытался убедить Екатерину Великую в необходимости признания независимости Северо-Американской республики, не взирая на глубокую пропасть между ней и Россией. В политическом отношении Россия всегда оказывалась на стороне США. Так во время гражданской войны в США, Россия послала военные корабли в Сан Франциско и Нью Йорк, дав этим понять Англии, что она не допустит английского вмешательства во внутренние дела Соединенных Штатов.

Теперь, когда фашизм угрожает всем устоям человеческого бытия, С. Штаты и Россия вместе сражаются за новый мир. В обеих странах мысль о будущем, о достоинстве человека и поднятии его жизненного уровня завладела лучшими умами. Вся история отношений между США и Россией слу-

Н о в о с е л ь е

жит блестящей иллюстрацией того, что во время великих кризисов эти страны быстро сближались, и что спасение мира лежит в их тесной дружной работе. Слишком устойчива структура этих стран, чтобы опасаться взаимного влияния или вмешательства, и ни в какой плоскости их экономические интересы не пересекаются.

В обеих этих странах, несмотря на кажущийся реализм, накопился огромный запас романтики и идеализма. Безбрежность пространства в обеих странах увлекает их лучших людей вперед и вперед. В обоих государствах конгломерат национальностей создает многогранную культуру. И здесь, и там, человек — это звучит гордо. И здесь, и там — это основной стимул жизни.

Неужели человечество каждые 20 лет обречено на мировую войну? Неужели этой трагической борьбе за рынки, пространства, сырье и другие экономические блага не будет положен конец?

Две величайшие в мире державы, вместе со своими союзниками Англией, Францией и Китаем, должны успокоить мир от раз'едающих тревог и волнений и вывести его на широкий, светлый путь взаимного сотрудничества.

Р. НЕВАДОВСКАЯ

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

1880 — 1934

«Душу можно ль рассказать?»
(Ю. Лермонтов).

Видеть и знать Андрея Белого, значило видеть и знать осколок доподлинной Руси. Не только России и Советского Союза, но древней, старинной Руси Китежа-Града и Книги Голубиной. Так полно отразились вековые начала в сознании этого человека, что он казался то блаженным, то полусвятым.

А был он служителем Слова. До последнего дня своей короткой жизни был влюблен в таинства творчества и словесных прозрений.

Иной раз смотришь на Андрея Белого и думаешь: видала таких. Странников. Из Москвы в Киев идут. По святым местам ходят. В Лавру, а оттуда на север, к Соловкам.

Андрей Белый брал нас с собой в Страну Эвритмии, полную музыки ритмов. Об этой стране рассказывал нам, слушателям Вольно-Философской Академии в Берлине, в 1924 году.

Верующим в Высшее был Андрей Белый. И вера его передавалась нам. Особенно это чувствовалось, когда начинал он говорить про Арджуна, учителя древней Индии и про иогов. Казалось, он ведает то, чему и слов еще нету.

Он знал законы будущих путей. И возможности мысленного обмена не только посредством словесного (звукового) образа, но и ритмо-лучеобразного.

Есть речи. Значенье темно иль ничтожно,
Но им без волненья внимать невозможно.
Из мысли, Пламя-рожденное Слово.

Вот, кажется, просто. Стоит перед нами, что то рассказывает. А ощущение у меня: нам еще неясно, а ему видно. Человек,

вижди, внемли. В путешествие по стране **иной** брал нас А. Белый.

Над узким лицом широкий купол лба. Над стройной башенкой опрокинут широкий, куполообразный свод знания. Волосы серебристо-пепельные, легкие. Лицо тонкое, а цвет кожи из золотого переходит иногда в коричневый. Таким Серов изобразил Пана. Но у серовского Пана много суровой дикости, а у Андрея Белого доброта и скорбная человечность.

Как часто вспоминал он Блока, своего тозарища и друга долголетнего, «Александра, лебедя белого». Радостно было тогда слушать и жутко: вдруг оборвется рассказ о долгих прогулках его с Александром Блоком по мшистым островам Петрограда в белые, безлунные ночи. Рассказывал нам Белый о значении символов-эпитетов у Блока и о путях созидания поэмы «Двенадцать». Обратил наше внимание на то, что в начале у Блока — краски синие.

«Ты в синий плащ печально завернулась»...

Синева пронизывала в тот период творчество обоих.

От Пушкина началось осознание значения эпитетов, и по пушкинскому пути шли Белый и Блок.

**Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный...**

К тонкости, точности, значительности этих эпитетов заставлял нас прислушиваться А. Белый. Объянял «цветные» эпитеты Блока. **Лиловые, фиолетовые** краски закатов, как финальные звуки мистической трагедии. Затем — белое и черное в поэме «Двенадцать». Русская зима. Черная земля под белым снегом. А над всем этим красное, цвет освобождения и революции:

«Вперед — с кровавым флагом»,

Говорил о строгости Блока к самому себе, о его **приказе собственному телу**, плоти и крови своей, еще жаждущим жить.

И к содроганью медленного хлада
Свою ты душу приучи,
Чтоб было здесь ей ничего не надо,
Когда оттуда ринутся лучи.

(А. Блок)

Андрей Белый грезил о России, бредил ею на яву. В нем тогда появлялось нечто стихийное, руки двигались и слышался, как будто, шелест крыльев. Его голос звучит и теперь. А от слов остались **звуковые круги**, подобные тем, которые оставляет камень, брошенный в тихую воду озера.

Помню, А. Белый говорил об Есенине, привел его «Песню о собаке»:

Утром, в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых оценила сука,
Рыжих семерых щенят...

Так торжественно заставлял Андрей Белый перекатываться есенинское «р», такую радость выражал при чтении этих стихов, что, казалось, не щенята родились, а раскрывается таинство рождений на земле. С улыбкой он сообщал нам, что есенинский стих несомненно является продолжением пушкинского.

— Конечно, Есенин родной сын Пушкину, — заметила я в шутку. — Александр Сергеевич Пушкин и Сергей Александрович Есенин... Андрей Белый просиял: — Совпадение интересное. Надо будет подумать об этом.

...Когда привезли гроб Есенина из Ленинграда к памятнику Пушкина, что в Москве на Страстной площади, его подняли высоко, к самому лицу Пушкина. И семь раз кружили гроб с мертвым Есениным вокруг бронзовой головы Пушкина.

Стоило Андрею Белому заговорить о поэзии, стены раздвигались. Заветные слова превращались в действительность. И сам он становился воплощением Слова-Ритма. С колеблющимся стволем тела и подвижными ветками рук, казался де-

Н о в о с е л ь е

ревом на ветру. И всегда он был поглощен поиском новых путей в творчестве. И словотворчестве.

В 1908 году, после неудавшейся революции, Блок писал:

О, Русь моя, Жена моя...

Русь являлась для него и родиной и той, с которой он сочувствовал. Но она оставалась Женой-Незнакомкой, и путь ее был чужим и страшным. Белый часто повторял: — «Незнакомка» Блока это Россия.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка...

Даже Пушкину были неведомы пути России.

В поле бес нас водит видно
И кружит по сторонам...

Так писал «ясный» Пушкин. И из этих двух строчек родился роман Достоевского «Бесы».

Отчаяние Белого после годов 1905-1908 было так велико, что ему, как и многим показалось, что силы распылились и реакция победила надолго. Надрывным голосом он запел:

Исчезни, в пространстве исчезни,
Россия, Россия моя.:

До октября 1917 года не могли самые чуткие предугадать путей родины и народа своего...

Уход из Европы — эта мысль являлась Белому и Блоку часто и годами служила темой обсуждения.

«В Европе нам делать нечего», говорил нам Андрей Белый. «Европейская культура с ее выкристаллизованным мелкобуржуазным эгоизмом чужда исканиям и глубинам русской мысли».

А. Белый уверовал в неизжитые силы народов Азии. Отсюда его тяготение к философии индо-азиатских народов.

Математическая точность «стальных машин» привела Европу к гибели, ибо без любви и сострадания нельзя строить жизнь. Если признавать только логику, только «интеграл», это приводит нас к зверству. Если все подчинено механическим законам, можно убивать людей в застенках. И наступит день, когда машины отомстят своим «творцам». Теперь нам нужна революция против машин, победивших человека. Нам нужно вернуться к истине этики и красоты. Ведь всякая красота этична. Ее сущность — организованная гармония и ей чуждо разрушение. Белый считал, что мы стоим на пороге третьего Иерусалима. Первый Иерусалим попал в плен к варварскому Риму. Рим обрек его на уничтожение физическое. Духовно он после двух тысячелетий Иерусалима не победил. Одолеть не сумел. И даже христианство не помогло.

Вторым Иерусалимом для А. Белого являлась Москва. И богоискательство и желание царства-справедливости. Вся русская литература полна вопросами совести (Раскольников, Карамазовы, Нехлюдов) и тем, как лучше устроить жизнь на земле.

Из этого возник интерес А. Белого к Библии и заветам ее, к изучению древне-еврейского языка. Первое слово Библии «берешит», как пишет А. Белый в Глоссаглаголим, вызвало в нем чувство космических кристаллизаций, рождений земли и планет.

«Этот звук **берешит** точно шипение вод над раскаленностью, точно появление тверди из хаоса вод».

Таково его звуковое ощущение первого, печального слова Библии.

Интересно, что слова воспринимались А. Белым, «как булыжники, которыми кто-то перекидывается по мостовой». Вся природа звучит у него, все имеет свой голос. Даже тишина имеет голос — голос тишины.

О мире всех народов учил А. Белый. О блаженных словах понимания, о ритме речи, о том, что не надо знать языка, чтобы понять окружающее. Ребенок по ритму голоса воспринимает ласку, и животные, особенно собаки, понимают ласковый или сердитый ритм наш.

Он казался чужим в серокаменном, «интегральном» Берлине, где тогда уже чувствовалась злорада побежденных.

Расстроенный гражданской войной, Андрей Белый нелепо-случайно покинул Советскую Россию. Но не стал эмигрантом. В Берлине жил в оторванности и тоске по России. И каждый день был для него долгим веком.

Когда же он вернулся в Москву, то первым долгом основал опытную лабораторию литературы, где «сам служил» и подготавливал новые кадры «служителей русской словесности».

Сознавался: «Всегда думаю о Слове». И собирал слова, кирпичи для книг, — на прогулках, в отшельничестве своем, в садах цветущих и в скорби народной.

«Давайте осуществим хоть программу еврейства, человечески понятную и возможную: **Люби ближнего, как самого себя.** Вместо сверхчеловеческого, невозможного требования — **подставь левую щеку, если тебя ударят в правую**», — говорил часто А. Белый.

«А то ведь, смотрите, две тысячи лет братской резней занимаются, где уж до всепрощения. Далеко!»

Нужно служить человечности, улучшению нашему, счастьем на земле — учил А. Белый. Он был не только волхвом-ведателем, не только поэтом, но и преданным, самозабвенным искателем правды.

Три вещей птицы знакомы были русской древности: Гамаюн — птица вещая, Сирин — птица радости, и птица печали — Алконост.

Вещее знание, радость творчества и печаль о недостижимом носил в себе Андрей Белый. И так скорбел, что и книгами и всеми стихами своими исчерпать себя до дна не мог.

М. Н. БЕНИСОВИЧ

ВОЕННЫЙ ЛУБОК В 1812 ГОДУ

Когда гремят пушки, музы не молчат.

Исследователь русских гравюр Д. А. Ровинский в своем монументальном труде «Русские Народные Картины», появившемся посмертно (т. 1, СПб. Голике. 1900), не дает много сведений о художниках, работавших во время первой Отечественной Войны для патриотических лубков, большинство которых остается анонимными. Главным поставщиком являлся Терехнев (1786-1815). Знаменитым стал впоследствии, в качестве живописца, Венецианов (1780-1847), который в начале своей нелегкой карьеры нарисовал несколько карикатур на Наполеона, лишенных впрочем злобы, как и следовало ожидать от этого милейшего изобразителя быта купеческого Замоскворечья. Императора «Корсиканца» Венецианов презирает, равно как и его лакеев-маршалов, а его солдат, всех этих голых, босых шаромыжников, он просто жалеет, разделяя в этом случае чувства народа.

Желчь и злоба, без которых карикатура теряет свой смысл во время войны, нашли выражение в тексте лубка, автором которого вряд ли являлся рисовальщик. Этот текст бойко написан в духе и стиле прокламаций Ростопчина.

Вот образчик этого псевдо-народного языка под листом, изображающим «Зимние Квартыры Наполеона»:

/Коленкур/ — Что повелите возвестить в Парижском Бюллетене?

/Наполеон/ — Провал бы тебя взял! / Скажи, что в Зимних мы квартирах, и теплых, и просторных. / Где снежной студени хотя не об'едайся. / Скажи, что в Троицын я день обедать буду дома. / Скажи, что для сына я своего / Другой престол из льдов сооружаю. / Да всевозможно постарайся скрыть от Англичан, / Что Русские черт знает нас куда загнали. / Прибавь еще, что Козаки... / Постой! Об них из всей ты мочи лги. / Короче! Говори все, кроме правды. /

/Бертъе/ — Ай-ай-ай-ай! Он чуть не замерзает.

Этот редкий лист-офорт, раскрашенный в четыре тона от руки, находится в Бруклинском музее (бывшая коллекция капитана Райли, посвященная Наполеону). Таких экземпляров было выпущено ограниченное число, и они продавались по высокой цене, что доказывает, что любители лубков встречались во всех классах.

Русские рисовальщики не отставали от хода исторических событий, и перечисление их работ звучит, как сводка Наполеоновской кампании:

Московский пожар (Озябший Бонапарт кипятит чайник).

«Благоразумный ретирад» Наполеона.

Кавалерия отступает на лыжах.

Парад в Смоленске (поредевшие ряды французов должны изображать несметную рать).

Битва при Малоярославце (Корсиканец, принявши рвотное, изрыгает все свои планы покорения Петербурга, Финляндии и Англии).

Бегство из Варшавы (Император диктует: «Наполеон не уступает». Секретарь: «Не могу писать, руки замерзли»).

И множество бытовых картин: Мамелюк счастлив, раздобыв лошадиный окорок (работы Терebeneва). Вороний Суп-Мор на войска. Ратник, солдат и казак парят француза в бане. И наконец партизаны и старостиха баба-Василиса ведут за собой вереницу пленных (раб. Венецианова).

Мы видим консилиум врачей у постели Наполеона. Его язык бел (от лжи), пульс слаб (от кровопусканий), и у него жар (от неудавшихся планов).

На лубках появляются Русский Геркулес и Русский Муций Сцевола. Куда бежать от Римлян и от Греков, и что осталось от народности!

Возвращение в Париж: триумфальное шествие с трофеями, брюки шведского короля Карла XII и замороженный французский гренадер (*Grenadier gelé*).

Карнавал в Париже (раб. Терebeneва), с балаганом фокусника Бонапарта в дурацком колпаке. Новые планы: верфи для постройки саней, лыж и коньков для новой армии.

Франция смотрит на мир через розовые очки, в то время как Бертъе заслоняет от нее свет солнца и правды, а Наполеон укачивает спящего француза в люльке. Наступает 1814

год, и Теребенева рисует портрет диктатора, в чертах которого мы видим человеческие тела. Этот графический прием детальной композиции применялся уже в Италии в конце XVI века. Арчимбальдо составил фигуры времен года из фруктов, цветов и прочих атрибутов.

Новая мобилизация, все «волонтеры» калеки и уроды.

Наконец, катастрофа. Бочка, служащая треном, рассыпалась, и клепки: Голландия, Швейцария, Италия, Вестфалия, Вюртемберг летят во все стороны; налицо все планы подкупов, интриг, контрибуций, высадки в Англии. И великий человек низвергается в пропасть.

Освежающе приятно окунуться в эти воспоминания былого, предвещающие победное будущее, перелистать хотя бы воспроизведение этих лубков, переизданных в годовщину столетия войны 1812 года. Инструкции, данные художникам Отечественной войны, гласили: «Возбуждать и удовлетворять». Этой цели их карикатуры достигают и поныне.

Вторая Отечественная Война. Бездушные захватчики, как роботы ворвались в пределы России. С ними машины, одаренные почти человеческим разумом (противоположение писателя Евг. Петрова, павшего при Севастополе). Жизнь в занятых немцами областях замерла. О ходе войны население оповещается в лучшем случае эзоповским языком реляций. Кто разберется в них: «Боевые действия происходили только между медленно наступавшим врагом и нашим арьергардом, что однако несколько не мешало движениям главной массы наших сил» (сводка нем. ставки от 2 февр. 1943 года).

Деревня просыпается на рассвете и находит на деревянных амбарах свои родные плакаты, афиши, карикатуры, расклеенные за ночь партизанами. Их рисовали художники Куприанов, Крылов, Соколов — неразлучная тройка, коллективно подписывающаяся **Кукрыниксы**. Наци, эти вороны в павлиньих перьях, недолго оставляют висеть эти листы, не более часа. И все же плакаты эти в молчании делают свое дело, ободряя надеждой на близящееся освобождение.

International University Press, Inc.

227 West 13th Street

New York 11, N. Y.

Вышли в свет и поступили в продажу:

1. А. С. ПУШКИН. Сочинения в одном томе	Долл. 6.00
2. Н. В. Гоголь. Сочинения в одном томе	Долл. 6.00
3. А. П. ЧЕХОВ. Избранные произведения	Долл. 6.00
4. М. ЛЕРМОНТОВ. Герой нашего времени	Долл. 2.00
5. М. ЛЕРМОНТОВ. Стихотворения	Долл. 2.00
6. И. ТУРГЕНЕВ. Записки охотника	Долл. 1.75
7. И. ТУРГЕНЕВ. Отцы и дети	Долл. 1.75
8. И. ТУРГЕНЕВ. Дворянское гнездо	Долл. 1.75
9. А. П. ЧЕХОВ. Одноактные пьесы	Долл. 1.50
10. Н. ЛЕСКОВ. Очарованный странник	Долл. 1.50
11. Н. ЛЕСКОВ. Левша	Долл. 1.50
12. Н. ЛЕСКОВ. Леди Макбет	Долл. 1.50

Все книги в переплете

THE RUNNING TIDE

by IRINA ALEKSANDER
(ИРИНА КУНИНА)

"Here is the story of the third mate of the Alexander Nevsky and her fight at sea against the Fascists . . . It is an epic of heroism and struggle."

N. Y. HERALD TRIBUNE — \$2.50

DUELL, SLOAN AND PEARCE

For Victory...

Buy

**UNITED STATES DEFENSE
BONDS ★ STAMPS**

International Book Service

Mrs K. N. ROSEN

410 Riverside Drive, Apt. 141

New York 25, N. Y.

Книги о России на русском, английском и французском языках
Литература, история литературы, искусство, политика, экономика, история, театр, балет, словари, грамматики.

ПОДБОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ДАННОМУ ЗАДАНИЮ
особенно по творчеству отдельных писателей и художников
Составление библиотек

RUSSIAN ART SHOP

103 West 56th Street. N. Y. C.

Telephone Circle 7-2131

Картины русских художников, гравюры, литографии, лубки.
Художественные изделия, русские куклы.

Прием подписок на русские газеты и журналы.

Прием объявлений в русские и американские издания.

Продажа билетов на русские спектакли и концерты.

Составление библиотек.

КАФЕ-РЕСТОРАН La Coupole

121 West 72nd Street ENdicott 2-6740
TRafalgar 4-6844

САМОЕ БОЛЬШОЕ РУССКОЕ КАФЭ
В НЬЮ ИОРКЕ

— ОБЕДЫ — УЖИНЫ — ХОЛОДНЫЙ БУФЕТ —
БОЛЬШОЙ ВЫБОР ПИРОЖНЫХ И ТОРТОВ

СОБСТВЕННОГО ИЗГОТОВЛЕНИЯ

Все продукты наил. качества. Прекрасн. обслуживание.

'NOVOSSELYE'

A RUSSIAN LITERARY MONTHLY

Editorial & Administrative Offices:

S. PREGEL - BREYNER,

330 West 72 Street, New York 23, N. Y.
ENdicott 2-1660

“ Н О В О С Е Л Ь Е ”

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

под редакцией С. ПРЕГЕЛЬ

Подписная плата:

В Соединенных Штатах: на один год — \$4.50, на шесть месяцев — \$2.50; в Канаде: на один год — \$5.00, на шесть месяцев — \$2.75.

Цена номера в розничной продаже —
45 центов.

Подписка и объявления принимаются в конторе журнала. Рукописи, посылаемые в редакцию, должны быть переписаны на машинке на одной стороне листа. Непринятые рукописи не возвращаются.

**ЦЕНА НОМЕРА
60 ЦЕНТОВ**

 317

GO WITH OUR FIGHTING MEN THROUGH YOUR
RED CROSS. GIVE TO YOUR RED CROSS
1944 WAR FUND